

Вячеслав

Цыцшиев

НЕСЛОМЛЕННЫЙ

Повесть

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Борис Устинов вырос в интеллигентной советской семье: отец – директор школы, мать работала там же учителем русского языка и литературы. В их московской квартире была хорошая библиотека, поэтому Боря рос начитанным мальчиком, воспитанным на трудах Толстого, Достоевского и Чернышевского. Да и родители внушали ему, что надо брать пример с положительных героев произведений классиков русской и советской литературы. Романтичный Борис очень жалел, что родился поздно и не успел поучаствовать в Гражданской войне, как Павка Корчагин. Окончив школу, по совету родителей он поступил в пединститут.

Наступил 1937 год. Пожалуй, самый страшный в советской истории. И Борис, и его однокурсники это ощутили. Один за другим исчезали преподаватели и студенты, которые, как оказалось, были «иностранными шпионами», «готовили покушения на видных деятелей коммунистической партии и лично на товарища Сталина», и вообще «врагами народа». Очень много врагов оказалось у Советской власти. В институте часто шли собрания студентов и преподавателей, которые, отрекаясь от близких еще вчера друзей и товарищей, клеймили их позором. Были даже случаи, когда студенты отрекались от арестованных родителей. Совсем удивился Борис, когда в том же году были объявлены врагами и немецкими шпионами и расстреляны почти все представители верхушки Красной Армии.

Дошла очередь и до его семьи: однажды ночью в квартиру постучались чекисты с ордером на арест отца. Чуть позже забрали мать. Каждый арест сопровождался обыском: непонятно, что искали, но все книги ковром лежали на полу, по которому расхаживали чекисты.

Борис часто ходил в следственную тюрьму, пытаясь выяснить, за что же арестовали родителей и можно ли с ними встретиться, но каждый раз – тщетно: ему отвечали, что пока идет следствие, свидания запрещены. Он все надеялся, что это ошибка, что следствие разберется, и отца с матерью отпустят. Устинов-младший не верил, что родители в чем-то замешаны: и троцкистами они не были, и иностранными шпионами никак не могли быть. Следствие еще не было закончено, как взяли самого Бориса – прямо в институте. Как раз шла лекция, однако чекисты ее окончания ждать не стали, а зашли в аудиторию, просверлили взглядами застывших

студентов и направились к Устинову. Тот сидел ни жив ни мертв. Однокурсники, словно загипнотизированные, не сводили глаз с вошедших. Когда увели Бориса, аудитория облегченно выдохнула. Каждый из студентов, видимо, обрадовался, что забрали не его. Значит, жди еще одного комсомольского собрания, где все осудят очередного замаскировавшегося врага. Что Бориса могут арестовать, многие предполагали, поскольку знали об аресте его родителей.

В следственной тюрьме Борис просидел недели две. На допрос его не вызывали видимо, чтобы арестованный понял, что здесь не ошибаются и дело нешуточное, а ему лучше привыкнуть. Устинов вины за собой не чувствовал и терялся в догадках, за что же его арестовали. Неизвестность пугала. Наконец его повели по длинному полутемному коридору к следователю.

– Меня зовут Марк Абрамович Моисеев, я буду вести ваше дело, Борис Васильевич. Так вот, нам стало известно, что вы являетесь участником контрреволюционной организации. Прошу вас подробно рассказать о своей деятельности.

От этих слов Борису стало дурно, но он собрался с духом и как можно тверже произнес:

– Ни в какой организации, кроме комсомольской, я не состою и не могу ничего рассказать о какой-то другой организации.

Следователь улыбнулся:

– Почти все, как вы, начинают с того, что упираются, отказываются, отрещиваются. Но поверьте, в итоге все равно говорят правду. Поэтому не будем терять время, мы ведь знаем, что у вас в квартире часто собирались люди и обсуждали, как изменить власть в стране.

Возмущенный Борис аж задохнулся от этой чудовищной лжи:

– Как вы можете такое говорить, ничего подобного у нас в квартире не было, да и люди у нас практически не бывают. Так откуда же сборища?!

– Ты, парень, не горячись, а лучше хорошенько подумай. Ведь твои родители во всем признались, а тебе остается только подтвердить их показания. После этого отпустим тебя на все четыре стороны, вернешься в институт, и все забудется. Если ты не участвовал в заговоре, то и слава Богу, – мягко сказал Марк Абрамович.

– Ну как же я могу сказать то, чего не было, – уже тише сказал Борис. – И потом, я не верю, что мои родители могли дать такие показания: ничего же не было, никаких собраний, никаких заговорщиков.

– Не веришь, значит, – произнес следователь и вытащил из сейфа пухлую папку. – Вот посмотри, что пишет твой папа. Заметь – сам пишет.

Он подал бумаги Борису. Тот открыл папку и сразу же увидел чистосердечное признание отца, написанное его рукой, где он кается в содеянном и перечисляет имена участников антисоветской организации. Десятки имен! Далее Борис читать не стал, отложил папку и долго подавленно молчал. Вспомнилось перешептывание родителей на кухне об арестах и обысках у знакомых с перечислением фамилий, и сами они вели себя настороженно, с тревогой прислушиваясь к звукам из подъезда. Моисеев терпеливо ждал, он понял, что Борис сломлен и подпишет все, что потребуют.

– В общем, так, – нарушил молчание Марк Абрамович, – ты заметил, что в списке нет твоего имени? Поэтому мы тебя отпускаем, но прежде ты должен подтвердить показания своего отца, подписать кое-что...

Он подал уже заполненный лист бумаги, который Борис, не вчитываясь, подписал.

– Ты помнишь, что говорил товарищ Ленин о чекистах? Каждый гражданин Советского Союза обязан быть чекистом, выявлять и разоблачать врагов революции и социализма. Собственным поведением ты доказал, что ты чекист. Так вот я

тебе предлагаю, чтобы ты был бдительным и ставил нас в известность обо всем, что происходит в институте, у соседей, о чем говорят между собой люди. А придет время – ты органично вступишь в структуру НКВД, станешь работать у нас официально. Но сначала надо окончить институт. Ну что, договорились? Тогда подпиши еще один документ, и – свободен...

– А как же мои мать и отец? Что будет с ними? Их тоже отпустят?

– Нет, не отпустят. Ты же читал показания отца. Как же после такого их можно отпускать? Их ждет суд, срок, лагеря... – притворно вздохнул Марк Абрамович – Но они выживут, конечно. Ты еще молодой, тебе надо жить своей жизнью и укреплять могущество страны, как это делают все настоящие комсомольцы. Так что подписывай...

Так Борис Устинов стал секретным сотрудником НКВД. А следы его родителей, как и сотен тысяч «врагов народа», затерялись в северных лагерях, превратились в лагерную пыль. После окончания института Борис некоторое время работал в одной из московских школ, а потом, как и обещал следователь Моисеев, был приглашен на работу в НКВД. В это время «железный нарком» Николай Ежов как «враг народа» и «агент иностранной разведки» был расстрелян, а его место занял земляк Сталина Лаврентий Берия, который, чтобы оправдать казнь своего предшественника, объявил широкую амнистию: тысячи дел были пересмотрены и несколько сотен тысяч невинно осужденных были выпущены на свободу. Это было похоже на милицейскую игру «плохой следователь – хороший следователь», только в масштабах страны. Видимо, руководство государства поняло, что переборщило с чистками кадров и поисками врагов народа, за два года расстреляв около семисот тысяч граждан страны и посадив миллионы за колючую проволоку. Надо было найти и наказать виновных в этом преступлении, а невинных освободить. Интеллигентный, в отличие от своего предшественника, тупого служаки Ежова, хитрый, умеющий «держаться нос по ветру», понявший политический момент Берия как никто другой подходил на роль «хорошего» наркома.

А скоро грянула война. Красная Армия отступала, оставляя города и села, за нею по пятам следовали германские войска, окружая и уничтожая замешкавшиеся и сопротивляющиеся советские части. Сталин был в панике: он знал, что война обязательно будет, но надеялся, что Гитлер сначала разобьет Англию, а потом уж примется за СССР. А пока Германия будет занята туманным Альбионом, страна основательно подготовится к войне. Ему донесли, что немцы, компактно проживающие на Украине, встретили гитлеровцев хлебом-солью, а многие пошли на службу к оккупантам.

Он боялся, что их поддержат и немцы Поволжья. Чтобы выяснить настроение волжских немцев, была устроена провокация. В июле 1941 года на территории республики был высажен десант советских военнослужащих, переодетых в форму гитлеровцев. Часть местных немцев встретила провокаторов приветливо, считая их своими освободителями. Это и решило участь местных немцев, которых по приказу руководства страны было решено выслать подальше от мест боевых действий – в Казахстан, Среднюю Азию, на Алтай и в дальние районы Сибири.

Борис Устинов тоже участвовал в этой операции. К своему удивлению, он не испытывал никакого сочувствия к изгнанникам, поскольку считал их врагами, а выселение – необходимым условием, продиктованным военной необходимостью. Он поражался, с какой обстоятельностью, без лишней суеты, немцы собирались в дальнюю дорогу. Это Бориса настораживало: а что, если они с такой же обстоятельностью воевали бы против страны, приютившей их пару столетий назад? Депортация немцев прошла успешно. Чего не скажешь о высылке карачаевцев в

ноябре сорок третьего, где не обошлось без эксцессов. Часть мужчин скрылась в горах, были случаи вооруженного сопротивления. Женщины и дети плакали, кричали, проклиная солдат и начальников, их пославших. Но Бориса возмутило, что один из офицеров НКВД застрелился прямо в доме у пожилой карачаевки после того как увидел похоронки на ее погибших на фронте сыновей. Этот случай бурно обсуждался среди офицеров, участвовавших в операции. Никто не понял, почему он сделал это, ведь военному человеку положено исполнять приказы, а все остальное к делу не относится. Поступок этот осудили и признали предательским.

В опустевших домах карачаевцев попадалось немало ценных вещей: ковры, золото, серебряная посуда, добротная одежда. Все это доставалось солдатам и офицерам, участникам высылки горцев. Устинов предпочитал золото и серебро. Правда, все это полагалось сдавать государству, но строго следить за этим было некому. В сорок первом году в оставленных немецких домах тоже находилось много чего. И все это также считалось трофеями, которые присваивались энкавэдэшниками. Вещи народов-предателей военнотружущие высылали домой. Никто не считал это мародерством.

Из аула, где со своими бойцами орудовал Борис, ни один местный житель не смог ускользнуть в горы. Хотя попытки были.

За образцовое выполнение задания по высылке карачаевцев Устинов получил орден Красной Звезды. Борис был уверен, что высылка калмыков пройдет еще легче: беглецам, если таковые найдутся, в ровной голой степи деваться будет некуда, их быстро обнаружат и строго накажут по законам военного времени. Однако все вышло не так, как планировалось, – сбежал Бембеев, прорвавшись через вооруженное оцепление. Кто ж знал, что парень пойдет на такой риск...

Капитан Устинов пригорюнился: конечно, калмык долго в степи не продержится и обязательно будет пойман, но за непростительную потерю бдительности его, Устинова, накажут. Представил, как Бембеев теперь потешается над ним, и аж заскрежетал зубами от досады. Необходимо было написать рапорт о случившемся, но не стоит с ним спешить.

Может, Бембеев сам поймет, что у него нет выхода, и сам явится с повинной? Хотя капитан не слишком надеялся на это. «Нет, все же рапорт писать придется, все равно начальство узнает, и тогда будет еще хуже», – вздохнул капитан. И уже вскоре, стоя навтыяжку перед полковником Бирюковым, гадал: отправят его на фронт или нет? На фронт Борису не хотелось.

Полковник еще раз прочел рапорт, повертел его в руках, зачем-то понюхав исписанную чернилами бумагу, и раздраженно сказал:

– Капитан, ты должен обязательно поймать этого Бембеева. Даю тебе неделю сроку, иначе буду разговаривать с тобой по-другому.

– Товарищ полковник, пожалуй, недели маловато будет. Сами знаете, в здешних местах полно оврагов, камыши тянутся на многие километры. Бембееву есть где прятаться...

– Молчать! – взорвался Бирюков. – У тебя неделя! Иди, исправляй свою ошибку! Кругом, шагом марш!

Делать нечего, Устинов отдал честь, крутнулся на каблуках, зашагал на улицу.

Прошло две недели, как капитан со своим отрядом мотался по степи в поисках Басанга, но обнаруживал лишь его следы на заброшенных чабанских стоянках. Несколько раз они видели скачущего вдали всадника и открывали по нему огонь, но тот скрывался за бугром или спускался в овраг.

Полковник же Бирюков, понимая, что степняка в родных краях не так просто найти, продлевал Устинову срок поимки Бембеева. А потом и вовсе перевелся в

другую воинскую часть. Капитан вздохнул с облегчением: теперь можно расслабиться. Тем более что на смену полковнику пришел давний знакомый Устинова майор Душкин. С этим человеком и выпить можно, и к местным солдаткам заглянуть. А Бембеев поймается, и тогда легкой смерти ему не видать. «Живьем с него шкуру спущу», – мечтал Устинов.

2

Заканчивалась такая тяжелая для Басанга зима. Эти два месяца он кружил по близости, ночуя на заброшенных стоянках. Иногда, соблюдая меры предосторожности, по ночам подкрадывался к дому Нипалыча. Тот, услышав условный стук в окно, выходил. Бембеева всегда интересовал один вопрос: где в данный момент находится Устинов со своей командой? Нипалыч рассказывал о том, что смог выяснить за эти дни.

В середине марта Басанг отправился на берег Волги, посмотреть, тронулся ли лед. Раньше, еще до войны, он часто бывал здесь, в Цаган Амане жили его родственники. Степняк улыбнулся, вспомнив свои довоенные детство и молодость, вкус черной икры и вареной осетрины – как давно это было! Тогда они целыми днями пропадали на реке. Бембеев осторожно спустился к реке – Волга все еще была скована льдом. Однако местами у берега виднелись тонкие нити проталин, в которых дрожала мелкая рябь воды. Скоро проталины расширятся, под теплыми лучами солнца лед постепенно тает. Уже теперь видно, что он основательно прохудился. Ездить по нему было рискованно, местами образовались полыньи.

А степь постепенно занималась яркой зеленью, иногда несмело посвистывали суслики, словно приветствуя друг друга. После долгой зимней спячки они выбрались из нор, чтобы порадоваться теплоте солнышку, а заодно накопить жирку. В небе парили орлы, выскивая добычу. Скоро должны прилететь дикие гуси и утки, и тогда река наполнится оживленным гогогом пернатых.

Более трехсот лет назад сюда, на Волгу, из далекой Джунгарии прикочевали ойратские племена торгутов, хошудов, дервюдов и крепко встали на обоих берегах великой реки, при этом основательно потеснив кочевавших здесь ногайцев, которые были вынуждены перебраться подальше на Северный Кавказ и Кубань. Теперь калмыки стали именовать Волгу исконно калмыцкой рекой. И для того чтобы река всегда таковой оставалась, калмыцкие воины во главе со своими нойонами и ханами участвовали во всех войнах России. Однако русские цари рассматривали степняков лишь как дармовую военную силу, при случае напоминая ханам, что калмыки живут здесь с высочайшего императорского позволения. С приходом к власти Екатерины Второй, немки по происхождению, ойрат-калмыкам стало совсем уж невмочь. Убуши-хан удивлялся, почему над такой огромной державой царствует женщина, к тому же иностранка, – это для кочевников было немыслимо.

Екатерина стала переселять на берег Волги крепостных крестьян и немецких колонистов. Таким образом калмыцкий участок реки ужался до десятиверстной полосы, куда степняки гоняли своих животных на водопой. Выйти за границы этой полосы уже было нельзя. Но калмыки продолжали нести службу, выставляя до двадцати тысяч воинов на театр военных действий. Во время очередной русско-турецкой войны Убуши-хан во главе двадцатитысячного войска стоял на Северном Кавказе, отражая набеги горцев, союзников турецкого султана. В распоряжении союзника калмыцкого хана генерал-майора Медема было всего три тысячи солдат.

Однажды генерал позволил себе сделать хану замечание за предпринятую без его ведома вылазку против горцев. На что Убуши заметил, что Медем всего лишь обычный генерал, каких в российской армии сотни, а он, калмыцкий хан, сам ре-

шает, когда воевать, а когда отдыхать от ратных дел. После короткой перебранки обиженный хан, послав по-русски генерала по известному адресу, увел свои войска в родные степи. А потом была трагическая откочевка большей части калмыков назад в Джунгарию, к тому времени разгромленную китайскими войсками.

Басанг вздохнул: если бы тогда Убуши-хан продумал, какой окажется дорога на историческую родину, вряд ли решился бы на эту авантюру, ведь в Китае оказалось не лучше, чем в России, и народ в пути понес громадные людские потери, от которых не оправится уже никогда. Примерно в этом месте тогда, зимой 1771 года переправлялись предки на левую сторону реки. А теперь на пустынном берегу не слышно голосов степняков. Только маячит одинокая фигура Бембеева на фоне пока еще затянутой льдом Волги. И неизвестно, будет ли он жив сегодня, ведь на него государством, за которое еще вчера проливал кровь, объявлена настоящая охота. Да и высланные калмыки тоже ведь старались, как могли, помочь воюющей Красной Армии: одна железная дорога, которую они строили под бомбежками вражеской авиации, чего стоит!

Теперь по этой дороге увезли степняков в неведомую холодную даль. А как же те, кто сейчас воюет на разных фронтах Великой Отечественной? Кого же они теперь будут защищать, если узнают, что все их родные высланы как предатели? Только лишь Сталина и неблагодарную Советскую Родину, так жестоко покарвавшую людей, чьи предки, не щадя жизни, защищали южные рубежи России? Да и когда Россия была справедливой к калмыкам?

Бембеев не мог знать, что вот уж месяц, как почти все воины-калмыки под предлогом создания еще одного национального формирования были сняты с фронтов и отправлены на Урал. Оказалось, что Советская власть их обманула: фронтовиков отправили в Широкаг на строительство электростанции. До весны сорок пятого более половины из пяти тысяч солдат вымерли от тяжелого труда и голода. Часть калмыков выжили благодаря тому, что бежали из лагеря... на фронт. И дошли до Берлина. Правда, они воевали, поменяв свои имена на казахские. Другой возможности остаться на фронте у них не было. Воевали, конечно, и офицеры-калмыки, и два генерала – Ока и Басан Городовиковы. Этим не было нужды прятаться, скрывать свою принадлежность к репрессированному народу.

От дум отвлекло стрекотание сороки, следом заркаркала ворона. Бембеев насторожился: «Наверняка приближаются люди», – мелькнула тревожная мысль. Он пришпорил коня, и тот в два прыжка оказался на высоком берегу реки. Вдалеке на фоне заката Басанг заметил всадников. В бинокль пересчитал их – ровно двадцать солдат, а впереди офицер на черном жеребце. Они тоже увидели Бембеева. Послышались свист и гиканье. Солдаты быстро рассеялись по степи и, стреляя на скаку из винтовок, понеслись к одинокому всаднику. Басанг тоже вскинул карабин, не целясь, выстрелил в сторону скачущих и, крутнувшись на месте, спустился к реке.

У воды лошадь захрапела, попятилась, хотела развернуться, но Басанг стегнул ее ногой. Лошадь прыгнула и, ломая прибрежный ледок, быстро достигла середины реки. Здесь лед был потверже, но под тяжестью всадника трещал и прогибался. Показался небольшой островок, поросший высохшим камышом. Басанг спешил и, предварительно загнав коня подальше, выбрал заросли погуще. Здесь он залег, наблюдая за недалеким берегом, где должны были появиться преследователи. А вот и они.

Солдаты тоже направили своих лошадей к реке, но те, храпя, попятились, норовя отвернуть в сторону. Один из солдат все же решил рискнуть и, нещадно нахлестывая коня плетью, устремился вперед. Однако через десяток метров непрочный лед треснул, и всадник оказался среди его обломков. Рядом, отфыркиваясь и жалобно

постанывая, плавала лошадь. Стоявшие на берегу зашумели, засуетились. Откуда-то появилась длинная веревка, благодаря которой они смогли вытянуть на сушу незадачливого сослуживца.

Басангу стало смешно, и он, не сдержавшись, захохотал. Тут же раздались выстрелы. Не целясь, он выпустил три пули, и три лошади, вырвав поводья, захромав, кинулись прочь от берега. Оставшись без коней, солдаты с криками бросились вдогонку. Остальные животные, испуганно вскидывая гривы и лягаясь, устремились в спасительную степь. На берегу, растерянно озираясь, остались несколько солдат с более спокойными лошадьми и капитан Устинов. Увидев такую картину, Басанг, засмеявшись, крикнул:

– Устинов! Ты, кажется, филолог? Вместо того чтобы гоняться за мной, тебе бы лучше учить детей! В школах ведь учителей не хватает!

– Бембеев, не дури! Лучше будет, если ты добровольно сдашься! У нас есть приказ: в случае сопротивления тебя живым не брать! Один ты долго здесь не продержишься! – крикнул в ответ капитан.

Басанг выстрелом сбил шапку Устинова. Стоявший рядом солдат поднял ее, внимательно осмотрел и подал командиру. Тот, тоже поглядев на дырку, надел шапку и подал голос:

– Ты, Бембеев, оказывается, очень глупый человек! Ты, оказывается, настоящий бандит!

– Я не бандит! Настоящий бандит – это ты, капитан! Придет время, и мы с тобой обсудим эту тему. Я думаю, что ты со мной тогда согласишься. А теперь уводи своих вояк, иначе я вас всех перестреляю. Только первая моя пуля будет твоей. Ты мои возможности знаешь!

Устинов не стал больше спорить и вместе с подчиненными скрылся за высоким берегом. Перед тем как исчезнуть, глянув на Басанга, грубо матюкнулся, но увидев, что тот направил на него винтовку, поспешил удалиться под издевательский смех калмыка.

3

Казахи живут не только в Казахстане, но во многих областях Сибири и на берегах Волги, в том числе в Астраханской области. Когда-то калмыки с казаками часто воевали из-за пастбищ для скота. А чаще – чтобы пограбить, поживиться за счет друг друга, угоняя скот и забирая в плен женщин и детей. По мнению русских, китайских и персидских историков того времени, чаще калмыки выходили победителями в многочисленных сражениях с казаками, каракалпаками и другими народами. Калмыцкая орда с боями доходила до Бухары и Хивы, там разбивала войска эмиров и султанов и беспрепятственно возвращалась в родные степи. По мнению тех же историков, калмыцким воинам успех обеспечивали опытные нойоны-полководцы, которые перед каждым сражением тщательно планировали ход предстоящей битвы. По сути, у калмыков существовал генеральный штаб, чего не было у других кочевых народов. К тому же калмыцкие дети обучались военному делу, едва став на ноги. В три года они уже уверенно держались в седле, а любимыми игрушками были детские лук и стрелы, а также игрушечный меч, как правило, деревянный. К пятнадцати годам мальчики превращались в умелых и смелых воинов, способных наравне со взрослыми участвовать в кровопролитных боях.

Но к 1771 году, когда хан Убуши решил уйти в разгромленную китайцами Джунгарию, казахи были уже не те, что двадцать лет назад, когда калмыцкие воины легко, как нож сквозь масло, проходили через казахские владения. За это время они смогли объединиться с каракалпаками и киргизами, договорившись совместными

усилиями отомстить калмыкам за прошлые обиды. Однако Убуши смог отразить все атаки объединенных сил казахов и киргизских султанов с большими потерями для последних. Но на озере Балхаш значительная часть странников отравилась некачественной водой. И это решило участь оставшихся в живых калмыцких воинов. От многочисленной орды уцелела едва ли пятая часть, добравшаяся до китайской границы.

После откочевки значительной части калмыков Екатерина Вторая ликвидировала Калмыцкое ханство. Так Россия «отблагодарила» степняков за охрану южных рубежей империи от набегов недружественных народов Кавказа и крымских татар. Впрочем, скоро и ослабленный Крым пал под ударами русских войск и калмыцких отрядов. Правда, после откочевки в Джунгарию оставшиеся на Волге и Каспии калмыки не могли, как прежде, выставить десятки тысячи воинов на театр военных действий, теперь они ограничивались несколькими тысячами.

После взятия Крыма надобность в калмыцких воинах надолго отпала, пока в 1812 году Наполеон не вздумал начать войну против России. Только тогда Александр Первый вспомнил про национальные военные формирования, которые не так давно оказывали неоценимую помощь в войнах России. Так были сформированы башкирские, татарские, калмыцкие и другие национальные полки, которые с боями дошли до Парижа. Правда, в российской истории об этом написано весьма скупо. Казахи тоже приняли участие в Отечественной войне 1812 года в составе башкирских и татарских полков. У них были и свои герои, отличившиеся в сражениях против французских войск. О Майлыбайулы, Карынбай Зындагулулы и Амен Байбатырулы, награжденных серебряными медалями, казахскими акынами сложены песни...

Басанг и Муратбай Мубарыков познакомились на фронте. Поначалу они настороженно отнеслись друг к другу – помнили рассказы стариков о взаимных нашествиях: калмыков на казахские аулы и казахские набеги на калмыцкие хотоны. К тому же в детстве не в меру расшалившегося Муратбая часто пугали калмыками. Тогда он представлял калмыков беспощадными кровожадными врагами казахов. С возрастом страхи прошли, но недоверие к калмыкам осталось. Теперь ему предстояло служить в одном взводе с калмыком, даже в одном отделении, которым он командовал. «Получится ли ладить с этим Бембеевым? Кто его знает... Ведь не зря же старики говорят, что калмыкам доверять нельзя: обязательно предадут», – с тревогой думал Муратбай. Он не знал, что точно такая же поговорка бытует среди калмыков, но только с точностью до наоборот.

Опасения Муратбая оказались напрасными – они с калмыком сдружились. А началось с того, что в одном городе немцы засели в здании, и их целых три дня не могли оттуда выбить. Пришлось идти на штурм дома. В рукопашной схватке один из немцев прицелился из автомата в Басанга, но его опередил Муратбай, который очередью из своего ППШ сразил неприятеля наповал. После этого воины уже не упускали друг друга из вида. Тогда они в течение часа освободили здание от немцев.

В свободные минуты все солдаты часто говорили о мирной жизни. Однажды Муратбай спросил у Басанга:

– Ты мой ровесник, однако же до сих пор не женат, а у меня уже растут двое детей, а после войны их у меня будет не менее десяти. Такая у меня мечта. Почему же, Басанг, ты не женился до войны?

– Думал, еще успею. Кто ж знал, что война будет. К тому же у меня не было невесты. Конечно, мне нравились девушки, но если они нравились мне, то я не приходился по вкусу им.

– Ничего, вот кончится война, ты приедешь ко мне, и мы с Алмой подберем тебе подходящую невесту. Казашки ведь красивее калмычек. Ты со мной согласен, Басанг?

– Это как сказать, красивых девушек и у нас много, – неопределенно ответил Бембеев, – все девушки хороши. Можно жениться и на казашке... Лишь бы она была как твоя Алма. Но только мне такая что-то пока не встретилась.

– Хорошо. А ты знаешь, что казахи с калмыками родня по крови? Все казахские ханы и султаны – калмыцкого происхождения. Ты это знаешь? Я где-то читал, что основатель Калмыцкого ханства на Волге Хо-Урлюк, которого казахи называют Койырлык, был тестем Касым-хана, оставившего в истории известный всем свод законов казахов. Касым родился от жены Есима-хана – калмычки Дилхаш. Дилхаш была дочерью Хо-Урлюка. Вообще, казахи в старину были убеждены, что от калмычек рождаются богатыри. У нас есть пословица, которая гласит: «Хочешь красивого сына – женись на узбечке, хочешь сына-батыра – женись на калмычке».

– Вообще-то я что-то слышал о том, что мы близкие родственники с казахами, но значения не придавал. Ты популярно объяснил мне это, спасибо. Получается, что мы чуть ли не один народ с казахами, а почему же наши предки враждовали?

– У больших народов, таких как китайцы и русские, существует такая политика: «разделяй и властвуй». Это для того чтобы народы враждовали и не могли объединиться в случае опасности. Вот они срамливали казахов с калмыками, калмыков с кавказскими народами, тех тоже между собой. А Россия и Китай потом свободно управляли ослабевшими в междоусобных войнах степняками. Так поступали и англичане, и испанцы, и немцы... А тебе, Басанг, я не завидую. Спросишь, почему? А потому, что на войне всякое бывает. Если тебя убьют, то твой род некому будет продолжить. Это важно для нас, степняков. Мне же умереть не жалко, у меня сын есть и дочь – Утеш и Булбул, – Муратбай вздохнул. – Есть кому меня оплакать в случае чего... Хотя кто знает, что завтра будет, кто останется жив, а кому не повезет...

– Муратбай, я обязательно обзаведусь семьей, а когда у меня родится сын, то назову его твоим именем, – сказал Басанг, – если бы не ты, не сидеть бы мне здесь... Мы обязательно доживем до Победы и вернемся домой. А потом будем ездить друг к другу в гости...

– Я тоже, если еще родится сын, назову его твоим именем, – отозвался расстроженный Муратбай. – Только давай договоримся: если кто первый погибнет, то выживший обязательно должен подробно написать родным, как это случилось, а после войны посетить их.

– Хорошо, – согласился Басанг.

А на следующий день Муратбай погиб. Случилось это так. Теряя солдат, рота шла в атаку. Мубарыков бежал впереди, за ним, как всегда, спешил Басанг. Вокруг, сраженные пулеметным и автоматным огнем немцев, падали раненые и убитые товарищи. Но вот впереди показались неприятельские окопы. Муратбай, не сбавляя темпа, с ходу нырнул в окоп, за ним ринулся Басанг. Завязалась короткая рукопашная схватка. Раздались предсмертные хрипы, стоны раненых солдат. Вскоре на дне окопа лежали вперемешку трупы гитлеровцев и наших воинов, а уцелевшая часть немцев покинула место побоища. Муратбай обходил занятый окоп, справляясь, сколько в его отделении убитых и раненых. Солдаты выносили трупы вражеских солдат и складывали их отдельно, чтобы зарыть в воронке от авиабомбы. Басанг отдыхал, прислонившись спиной к стенке окопа, но, услышав громкий хлопок выстрела, тут же вскочил и увидел, как Муратбай, хватая руками воздух, медленно заваливается на бок. Поняв, в чем дело, он кинулся к другу. Рядом, с ужасом глядя

на Басанга, лежал немец. Басанг дал очередь из ППШ по этим глазам и склонился над Муратбаем. Тот еще дышал. Из-под гимнастерки толчками сочилась кровь. Поглядев мутными глазами на Басанга, умирающий слабо улыбнулся:

– Ну вот, кажется, все, мой друг... Передай... – Муратбай потерял сознание.

После гибели друга Басанг долго не мог решиться на письмо его жене. Однако надо было держать данное слово, и он, как мог, описал последние минуты жизни Муратбая. Алма ответила, что похоронку получила, и благодарила Бембеева за обстоятельный рассказ. Как и муж, она пригласила Басанга в гости по окончании войны. Потом Басанг писал ей уже из госпиталя. А когда получил отпуск, хотел тут же отправиться к Алме, но решил прежде повидать родные места. Дела в колхозе и последующие трагические события воспрепятствовали осуществлению планов. Теперь ничто не мешало ему посетить аул покойного друга.

4

Казахские аулы мало чем отличаются от калмыцких хотонов, особенно издали. Кочевники очень редко сажают деревья и другую растительность, которая могла бы украсить подворье, дать тень в летний зной, а зимой хоть немного защитить от холодных пронизывающих ветров. Это и понятно. Кочевые народы на одном месте долго не задерживались и, как только пастбища оскудевали травой, разбирали войлочные юрты и двигались дальше. К тому же деревья нужно регулярно поливать, а где взять столько воды? Другое дело – русские и татарские селения с давними земледельческими традициями. Оседлые народы выбирали для жизни места, богатые влагой. Их села утопали в зелени, а в их огородах и садах зрели невиданные степняками овощи и фрукты. Здесь есть где отдохнуть глазамномадов, привыкших всю жизнь обзирать унылую степную природу да пасущуюся скотину.

Когда-то хан Аюка переселил мангышлакских туркмен к себе в калмыцкие степи, чтобы те выращивали для него арбузы, дыни и прочие растения с вкусными плодами, небывалыми для кочевников. Простые степняки любили бывать в гостях у русских и татарских друзей, которые всегда угощали их плодами трудов своих.

Басанг ехал в аул своего фронтowego друга Муратбая. Передвигался в основном ночами, реже днем, далеко объезжая русские и татарские села.

Солнце стояло высоко в безоблачном небе. Время близилось к обеду. Вдали показался аул. Басанг, довольный, что наконец-то увидит Алму и детей своего друга, улыбнулся и легонько тронул плеткой коня, который в предвкушении отдыха галопом помчался к селению. Показались крайние землянки. То там, то здесь в тени саманных домиков сидели седобородые аксакалы, обсуждая текущие аульные дела, проскакали верхом на палочках шумные стайки детей. Басанг подъехал к двум старикам, чтобы узнать, где находится дом Мубарыковых. С любопытством разглядывая незнакомца, они указали на домик в конце аула. Басанг видел, что аксакалов так и подмывает спросить, по какому делу приезшему понадобились Мубарыковы и кто из этой семьи его интересует. Но они чтитли степные законы: кунак должен сам рассказать все, что сочтет нужным. Старики вздохнули, поняв, что этот человек не собирается больше разговаривать с ними. Еще издали они сообразили, что всадник не их роду-племени, казахи сидят на коне иначе. Речь гостя утвердила их в первоначальном мнении. Убедившись, что Басанг отъехал достаточно далеко и их не услышит, старший из аксакалов задумчиво произнес:

– Э-э, это, наверное, каракалпак.

– Похоже, что вы правы, это, видимо, каракалпак, – кивнул головой второй.

– А может, это татарин? – задумался первый старик.

– Ваша правда, скорее всего, это татарин, – эхом отозвался второй.

– Нет, все-таки это каракалпак.

– Мне тоже кажется, что это каракалпак, конечно, каракалпак, – затряс седой бородой второй в знак согласия.

Тем временем Басанг подъехал к нужному домику, около которого возились двое детей. У мальчугана лет пяти обе ноги по щиколотку были зарыты в песок. Девочка постарше носила из деревянной бочки воду в ржавой консервной банке и обильно поливала углубление в песке у ног братишки.

– Утеш, ты не шевелись, а то сегодня не вырастешь, – строгим голосом говорила Булбул.

– Я и не шевелюсь, только мухи надоедают, покоя не дают. Булбул, когда я вырасту, а? – спросил слабым голосом Утеш. – Что-то уж больно долго я стою на солнце. Надо бы пойти домой, хоть чаю попить, и спать охота.

– Погоди немножко, еще рано. На солнышке да воде все растения хорошо растут, и ты вырастешь.

– Ну хорошо, – мальчик, обреченно вздохнув, вытер кулачком выглянувшую из курного носика сопельку. На правой щечке заблестел мокрый след, который, тут же высохнув, превратился в белую тонкую дорожку.

Басанг их узнал, это были дети Муратбая – Булбул и Утеш. Правда, на фотографии, которую часто показывал друг, они были совсем маленькие.

– Ии-их-хи-хи, – словно поняв детский разговор, вдруг заржал конь под Бембеевым.

– Булбул, смотри, во-о-н, кажется, наш ака приехал, – показал на Басанга грязным пальчиком Утеш.

– Какой тебе ака, война еще не кончилась. Мама сказала же тебе, что наш отец придет, когда кончится война. А это чужой дядя, – неприязненно глядя на Бембеева, сердито произнесла девочка.

– Здравствуйте, Булбул и Утеш, – сходя с коня, ласково сказал Басанг.

– Уй, а откуда вы знаете, как нас зовут? – удивилась Булбул.

– Э-э-э, я все знаю, – улыбнулся Бембеев, погладив детские головки, – а ваша мама дома?

– Дома, дома! – радостно закричал мальчуган, выбираясь из мокрого песка, и помчался вприпрыжку вглубь двора. За ним побежала сестра. Басанг, освободив подругу, завел коня в тень, а сам тоже пошел к дому.

У маленького оконца сидела миловидная молодая женщина. Она ставила латки на детские вещи. Увидев вбежавших детей, сердито спросила:

– А вы чего так рано? Я же вам сказала, чтобы вы сюда до обеда не заглядывали!

Но, увидев незнакомого мужчину в выцветшей гимнастерке, осеклась.

– Апа, апа, – наперебой закричали дети, – к нам гость приехал!

Поздоровавшись с Алмой, Басанг, улыбаясь, молча застыл в дверях. Алма, отложив в сторону шитье, поднялась со своего места, подошла к Бембееву и тихо удивленно спросила:

– Басанг, это вы? Да, это вы! Я вас по фотографии узнала.

И, обняв Бембеева, поцеловала его в щеки.

– Ну, пойдем, гость дорогой, пить чай.

Они присели на кошму. Калмык открыл солдатский вещмешок, достал оттуда окаменевшие пряники, несколько кусков сахара. Все это он протянул стоящим в ожидании детям, которые тут же засунули сладости в свои рты.

Заметив это, мать рассердилась:

– Что вы делаете? У вас животы заболят, нельзя сразу есть чересчур большие куски сахара! – с этими словами Алма отобрала сахар и ручкой большого ножа расколола на куски. Остальное она отложила. Мол, потом доедите.

Басанг засмеялся и подал детям еще горсть карамелек в розовой обертке. Булбул и Утеш с уважением посмотрели на этого богатого человека и, опасаясь, что мать урежет и эти сладости, быстро скрылись за дверью. Взрослые остались одни. Кроме чая, на дастархане появился и бешбармак в сквородке. Все это голодный Бембеев быстро съел и запил шурпой и чаем. Алма к бешбармаку не притронулась. Она сидела в ожидании рассказа Басанга о ее муже. Наконец гость заговорил.

– Я вам, Алма, вроде в письмах все изложил о последних днях, часах и минутах Мурата. Но, конечно, лучше все рассказать самому, глядя друг другу в глаза. В письмах ведь не все можно писать. Мы с ним не только крепко дружили, но были как братья. На могиле Мурата я поклялся отомстить за его гибель. Впрочем, тогда многие клялись. Такой обычай существует у всех народов. У немцев, наверное, тоже есть. Но как определить, отомстил ты за друга или нет, хотя после этого в боях я оборвал не одну немецкую жизнь. А теперь я думаю, у этих гитлеровцев тоже ведь должны быть матери и жены... Об этом я позже, когда лежал в госпитале, размышлял, но тогда и предположить не мог, что сам окажусь в роли врага народа.

– Как это? – испуганно спросила Алма.

– И не только я, по советским законам весь калмыцкий народ оказался народом-изменником.

– Неужели такое возможно? Я не верю, чтобы весь народ был изменником. Тут какая-то ошибка, – возмутилась молодая женщина.

Басанг, стараясь ничего не упустить, рассказал ей, как земляков выселяли в Сибирь, как он скрывался в степи эти несколько месяцев, как его преследовала команда солдат НКВД.

– Теперь меня, «врага народа», любой имеет право застрелить, арестовать, передать в руки НКВД. Я же вынужден, как дикий зверь, прятаться от солдат. Вы, Алма, поняли теперь, с кем тут чай пьете? Можете пострадать как пособница предателя, осмелившегося не подчиниться приказу самого Сталина.

– Погодите, Басанг, вы друг моего мужа, пусть земля ему будет пухом, вы можете жить в этом доме сколько нужно. Жаловаться на меня в милицию никто не будет. В нашем ауле таких людей нет. А еще потому, что здесь почти все являются близкими родственниками или друзьями Муратбая. Надо будет – вас, Басанг, защитят, спрячут, а если понадобится, то и жизни за кунака не пожалеют.

Скрипнула дверь, на пороге появилась долговязая мужская фигура. Удивленно посмотрев на незнакомца, вошедший поздоровался и уселся рядом с Алмой. Хозяйка представила мужчин друг другу. Гостя звали Тулеген, он оказался двоюродным братом Муратбая.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Друг Мурата – мой друг. Младший брат писал, что дружит с калмыком. Да и Алма мне о вас рассказывала. Можно сказать, что у нас в гостях представитель наших дядей по женской линии. Ведь два наших народа являются родственными. Только говорим на разных языках и поклоняемся разным богам. Вы, Басанг, наверняка об этом знаете.

– Конечно, мы с Муратом об этом часто говорили.

– Я работаю в аульной школе, учу ребятшек грамоте. Недавно был в РОНО по школьным делам и там услышал, что калмыков как изменников родины выселили в Сибирь. Почему так случилось и почему вы здесь, а не со своим народом? – сочувственно глядя на Басанга, спросил Тулеген.

Басанг, немножко поразмыслив, ответил:

– Два года назад Калмыцкая дивизия почти две недели держала оборону на Дону. Тогда были уничтожены сотни гитлеровских солдат, десятки танков, и даже самолеты наши бойцы сбивали из ПТР. Я там тоже был и пережил все, что там творилось.

Потом мне ребята рассказывали, что сержант Эрдни Деликов с оторванными взрывом снаряда ногами, крича и плача от боли, подбивал из ПТР одну за другой немецкие машины. Деликов был посмертно представлен к званию Героя Советского Союза, о его подвиге написала газета «Красная звезда». Я был контужен в бою, и местные жители оттащили меня на хутор, который в тот же вечер заняли немцы. Когда пришел в себя, казаки рассказали, как шли немецкие танки, а за ними спешили автоматчики. Степняки отступали, отстреливаясь. Вдруг из лесочка выскочили десятка два всадников с шашками наголо, стремительно отсекли пехоту и стали рубить опешивших гитлеровцев, а потом так же быстро исчезли в лесу. Ночью мне с товарищами удалось ускакать на лошадях в родные степи, а потом мы долго пробирались к своим.

Хочу сказать тебе, Тулеген, что калмыки отступили, потому что не осталось боеприпасов и отбиваться от неприятеля было уже нечем, а в течение этих двух недель не было поддержки дивизии ни с воздуха, ни с суши. В то же время немцы, прежде чем пускать на наши расположения пехоту с танками, нас бомбили и обрабатывали артиллерией. А ведь протяженность обороны нашей дивизии была пятьдесят восемь километров, это при том, что по военным нормативам дивизия должна была оборонять участок в восемь-десять километров. А теперь, Тулеген, считай, во сколько раз Калмыцкая дивизия превысила положенный норматив. И отступить мы вынуждены были, чтобы не оказаться в окружении и не попасть в плен к немцам.

Потом в госпитале лектор из штаба фронта говорил, что Калмыцкая дивизия ценой огромных потерь задержала врага на две недели, в течение которых наши части смогли в тылу соорудить оборонительные укрепления, получить необходимое вооружение, обеспечить себя боеприпасами и достойно встретить неприятеля. Кстати, в госпитале я встретил одного башкира. Так вот, по его словам, 112-я Башкирская дивизия держала оборону в районе Воронежа на участке всего двенадцать километров. Есть разница – пятьдесят восемь калмыцких километров и двенадцать башкирских?!

К слову сказать, создание национальных формирований – это была инициатива героя Гражданской войны генерал-полковника Оки Городовикова, калмыка по национальности. И теперь я думаю: а надо ли было в одном месте собирать воинов одной национальности? Ведь калмыков и так мало, а тут только на берегу Дона наших полегло столько, что страшно представить... Так что ничего хорошего из затеи нашего славного генерала не вышло. Саблями стальную броню немецкого танка не прошибешь...

– У казахов теперь тоже есть свой генерал – Шакир Джексенбаев. Это звание ему недавно присвоили, в газетах писали об этом, – перебил собеседника Тулеген.

– Это хорошо, но у нас два генерала-калмыка, второй – Басан Бадьминович Городовиков, племянник Оки Ивановича. Так вот я думаю, что за битву на Дону не одному Деликову надо было давать звание Героя, а десяткам калмыцких воинов.

Это Сталин должен был учесть, когда решался вопрос о выселении калмыков. Видимо, ему не так доложили. Конечно, у нас были те, кто пошел в услужение к немцам, кто зверствовал, издевался над мирными жителями. А у кого, у каких народов предателей не было? Так что я уверен, что Сталин ошибся, и если поймет это, то обязательно распорядится, чтобы калмыков вернули на родину. Вот почему я не отправился с земляками в холодные края. Никуда не двинусь из своей степи, буду здесь дожидаться земляков. Вот кончится война, Сталин вспомнит о калмыках и свою ошибку исправит, должен исправить, а то какой же он «отец народов»...

Тулеген с сомнением покачал головой:

– Не знаю, не знаю...

Неожиданно открылась дверь и появилась Булбул. Она вытерла ладошкой предательски сверкнувшую под носом тягучую влагу и спросила:

– Апа, если в песок закопать конфетную обертку и полить ее водой, вырастет конфетное дерево?

Взрослые переглянулись, переваривая сказанное, и дружно засмеялись. Алма, вытирая выступившие от смеха слезы, ответила:

– Вырастет, обязательно вырастет большое раскидистое дерево, радость ты моя.

Девочка, удивленно посмотрев на хохочущих, крутнулась на пятках и выскочила за дверь. Тут же на улице послышался ее ликующий голосок:

– Вырастет, апа сказала, что вырастет!

В доме грянул хохот. Когда все успокоились, Басанг предположил с улыбкой:

– Эта девочка станет агрономом. Я видел, как она, присыпав песком ноги бра тишки, поливала их водой, чтобы он побыстрее вырос. При этом говорила, что если пойдет дождь или обильно поливать Утеша водой, то мальчик быстрее пойдет в рост. Видимо, заметила, как после дождя все в степи расцветает. Да-а, дети Мурата в этой жизни не потеряются, обязательно выйдут в люди.

– Когда кончится война, вы, Басанг, обзаведетесь семьей, и у вас будет много детей. После такой страшной войны в каждой семье обязательно должно быть много детей. Надо восполнить людские потери. Тут нам, женщинам, придется очень сильно постараться, – неожиданно улыбнулась Алма, – а вы, Басанг, может, женитесь на казашке? Если надумаете, то у нас в ауле много красивых девушек, любая, мне кажется, за такого джигита выйдет замуж. Выбирайте!

– А что? Мы с калмыками и так родственники по крови. Кроме шуток, ты, Басанг, и в самом деле женись на казашке, породнимся еще ближе, – смеясь, под держал Тулеген.

Засмеялся и Басанг, а потом задумчиво сказал:

– Нет, я пока не должен обзаводиться семьей, не имею права. Сами знаете, что семья станет обузой для меня в моей нынешней жизни. А если меня завтра убьют? Что же будет делать моя семья, мои дети? И гость я опасный, вы же обязаны сдать меня милиции или хотя бы заявить обо мне кому полагается. А то и вы пострадаете.

– Странные вещи ты говоришь, друг. Кто тебя сдаст милиции? У нас в ауле такой грех на душу никто не возьмет, – рассердился Тулеген, – ты в любое время можешь найти здесь убежище. Ты друг нашего Мурата, пусть земля ему будет пухом. И этим все сказано!

Так они проговорили допоздна. Басанг переночевал в доме Тулегена, а утром рано, оседлав коня, уехал. Куда направился, никому не сказал, да он и сам этого не знал, поскольку у свободного человека дорог много: выбирай любую.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Басанг возвращался к себе, в безлюдные калмыцкие степи. Впервые за эти месяцы на душе было легко. Он слегка тронул коня плеткой. Тот тут же ускорил шаг, а потом перешел на галоп. Всадник не сдерживал его: пусть сам решает, как идти, шагом или резвым галопом. Утренний свежий ветер ласково свистел в ушах. Басанг запел:

Золотистый мой конь-аргамак
Ускакал, сбросив прочный аркан.
Если б кто-то его смог поймать,
Я тому бы наполнил карман.

Тонкошей мой серый скакун,
Повод свесив, уносится вдаль.
Если б кто-то поймал на бегу,
Я тому бы полханства отдал.

Если б мне кто-то путь указал,
Шапку б отдал – пусть носит сто лет.
А тому, кто бы место назвал,
Я б ему отдал свой амулет.

Закончив одну песню, тут же затягивал другую.

Он впервые за много месяцев оказался среди друзей, увидел детей своего дру-га, которые так напоминали своего отца. Впервые за много месяцев он спал без сновидений, не опасаясь, что к нему, спящему, подкрадется недобрый человек или солдаты НКВД. Теперь Басанг был уверен, что все будет хорошо: оставалось только набраться терпения и дожидаться конца войны, а там, глядишь, и земляки вернутся домой. Он считал, что удерживать степняков на чужбине советскому правительству больше не будет смысла. Ведь настанет мирное время, республику надо будет кому-то восстанавливать. Для этого понадобятся тысячи рабочих рук. Бембеев не опасался, что коммунист Тулеген пойдет в милицию, заявит, что в казахском ауле появлялся бандит Бембеев. Хотя предполагал, что рано или поздно об этом станет известно. Бембеев понимал, что к новым друзьям, дабы не подводить их, надо надеваться как можно реже и только в крайнем случае.

Через несколько дней Басанг доехал до своего хотона, в котором не был с весны. Селение сильно изменилось. Казалось, что саманные домики стали заметно ниже, а дворы заросли высоким репейником и лопухами. Бембеев сошел с коня и с трудом, раздвигая руками и утаптывая ногами густые заросли, пробрался к дверям своей хаты.

– Странное дело, как, однако, сорняк забил весь хотон всего-то за полгода. Вот что значит отсутствие людей. Даже земляные крыши домов поросли густой травой, – вслух удивлялся Басанг, – надо будет здесь хоть немножко прибраться. А то хозяйева приедут, а тут такие джунгли. Не-е-т, здесь необходимо обязательно навести порядок.

Бембеев нашел в сарае ржавую косу и точило, которым подправил косу, и принялся за работу. «Ш-ш-шк, ш-ш-шк» – шуршала коса, иногда застревая в толстых

суховатых стволах репейника. От физического труда взмокла гимнастерка. Он с трудом стянул ее и, играя буграми мускулов, продолжал косить. Так он работал с неделю, изредка отрываясь, чтобы подкрепиться хлебом и сушеным мясом, которое дала ему Алма. Чай готовил во дворе на печке. Ночевал тоже во дворе на старой телеге, укрывшись легким одеялом.

Прежде хотон всегда был наполнен мычанием скота, лаем собак, детским смехом и озабоченными голосами колхозников, а теперь здесь царила тревожная тишина, иногда нарушаемая чириканьем воробьев и торжествующим свистом ласточек, вечно суесящихся около своих гнезд, слепленных под стрехами маза-нок. Часть собак перестреляли в день высылки калмыков, часть – позже, когда солдаты искали Басанга, кости еще многих верных помощников степняков белели в степи. Этих растерзали волки. Мычащая и блеющая живность досталась русским колхозам.

Басанг невольно вспомнил Нипалыча: вот кто сейчас ему нужен. Этот русский человек внушал ему уважение. Надо бы узнать у него о спецгруппе во главе с капитаном Устиновым. Что-то с весны о ней не слышно. Конечно, не хочется тревожить человека, который тоже рискует, общаясь с беглым калмыком, но другого выхода нет. И придется опять готовиться в путь, что-то он засиделся на одном месте, а это опасно для человека, объявленного в розыск.

Пока Бембеев собирался, совсем стемнело. На небе всюду сверкали звезды, в траве стрекотали цикады и прочая мелкая летающая и порхающая живность. Вдруг раздался громкий детский плач, за ним – заразительный хохот. От неожиданности Басанг вздрогнул, а потом тихо засмеялся, поняв, что это степная сова вылетела на охоту, предупреждая мышей и зайцев, что надо быть начеку. Где-то за хотоном по слышались короткий рык и ворчание – это волчица повела свой подросток за лето выводок на поиски съестного. Днем, пережидая летнюю жару, они отлеживались в своем логове, а теперь решили поохотиться – голод не тётка.

Калмыки уважали волков, считали их умными и опасными хищниками. Поэтому многие калмыцкие роды носят волчьи имена – такие как Ик-чонос, Баг-чонос, Му-чонос, Шарнут-чонос, а также десятки других. Тем не менее степняки любили охотиться на этих животных. В старину особым шиком для удальца считалась охота на волка с одной лишь плеткой, которой настигший зверя всадник бил его по голове, или прыгал с коня на спину обезумевшего от ужаса животного и брал его живьем. В советское время калмыки тоже не отказывали себе в удовольствии поохотиться на этого зверя. С ружьями они отправлялись в степь большой группой, причем если в волчьем логове обнаруживались щенки, то они немедленно уничтожались. Конечно, отстреливались и взрослые особи – все, какие попадутся. Таким образом регулировалось количество волков, любителей полакомиться колхозными овечками.

После высылки калмыков волков в степи развелось много, а местные русские еще в начале войны вынуждены были сдать ружья в милицию. Какая уж тут охота с голыми руками...

Ближе к полуночи взошла луна. Словно стесняясь и краснея, тускло осветила окрестность. Но вскоре побледнев, взобралась повыше и уже ярче обозначила одинокого всадника и показавшееся вдалеке село, откуда слышался ленивый лай собак. Басанг сошел с коня: безопаснее дальше идти пешком, при лунном свете всадник виден издали. Хорошо, что хата Нипалыча стоит на краю села. В это время суток уставшие от дневных забот колхозники почти все спят. Только изредка слышен девичий смех и мужское бормотание. Это неутомной молодежи не спится: кровь играет, хочется пошалить с девушками, которые тоже не прочь подразнить парней.

Во дворах шумно вздыхает домашняя живность. Басанг осторожно подошел к окну и, тихо постучав в ставни, отошел под дерево, откуда стал наблюдать за входом. Ждать пришлось недолго. Скрипнула дверь, и показался Нипалыч:

– Кто здесь? – послышался его недовольный голос. – Отзовись!

– Николай Палыч, это я, Басанг, – отозвался Бембеев, выходя из тени.

– Бембеев, ты? Чего так поздно, я уж крепко спал.

– Николай Палыч, вы уж меня извините, но раньше я прийти не мог, сами знаете, почему.

– По мне, хоть вообще не приходи, подумаешь, боится он! Надо было ехать со своими земляками в Сибирь, – ворчал старик.

Басанг понял, что Нипалычу не только разговаривать, а даже глядеть на него не хочется. Поэтому просительно сказал:

– Николай Палыч, сами знаете, что у меня, кроме вас, нет других русских знакомых...

– Погоди, Басанг, мы с тобой не такие уж близкие друзья. Ладно, выкладывай, что тебя привело ко мне в столь поздний час? Говори быстрее, спать хочу.

– Мы ведь много лет прожили с вами, русскими, бок о бок. Помогали друг другу. Так ведь?

– Ну, так.

– Так вот, не сегодня-завтра война должна закончиться, наши уже вот-вот должны перейти границу Германии...

– Перешли уже... – перебил Басанга Нипалыч, – и знаешь, кто перешел границу первым? Ни за что не догадаешься! – и, не дожидаясь ответа, торжественно отчеканил: – Первой перешла границу Пруссии 184-я Духовщинская дивизия генерала Городовикова! А в колхозной конторе я видел журнал «Огонек», на обложке которого красуется портрет Басана Бадьминовича.

Потрясенный новостью, Басанг некоторое время молчал, а потом задумчиво произнес:

– Вот видите, Николай Палыч, а вы говорите – езжай в Сибирь. Раз калмыкам дают звание Героя, значит, это неспроста. Значит, точно должны всех калмыков с извинениями вернуть на Родину. Такое, Николай Палыч, возможно? Как вы думаете?

Старик молча кивнул.

– Но если так, то скоро мы, как прежде, проживем дружно на своей родной земле. Я почему остался здесь? Хочу дожидаться своих. Сначала я собирался добраться до Сталина и рассказать, как несправедливо обошлись с калмыками. Надеялся, что он меня поймет. Но до Москвы мне не дойти, не пустят. За мной гоняется целый отряд солдат во главе с капитаном Устиновым. Поэтому мне нужна ваша помощь, иначе долго не продержусь.

– Конечно, я тебе, Басанг, помогу, чем смогу. Только я старею, силы кончаются. Проку от меня мало будет.

– При последней встрече с Устиновым я его напугал, и он отстал от меня. Но как военный человек он должен выполнить приказ. Поэтому мне необходимо знать, где он находится, когда и куда направляется.

– Хорошо, как только узнаю через кого-нибудь, тут же тебя извещу. Только ты, если опять заявишься ночью, то стукни три раза в окно, а через паузу еще три раза. Тогда я буду знать, что это ты. Хорошо?

– Договорились, – обрадовался Басанг.

Нипалыч проводил незваного гостя до калитки, на прощание пожал ему руку, пожелал успеха и посоветовал быть осторожнее. На этом расстались.

Нипалыч появился в хотоне уже на следующий день, заметно взволнованный. В это время Басанг чистил карабин.

– Устинов со своей командой появился в селе, в полдень встречался с колхозным активом и сообщил, что надо непременно поймать Бембеева – тебя то бишь. А если не получится поймать, то ликвидировать любыми способами. Не надо жалеть человека, преступившего советские законы, сказал он. Так что, Басанг, тебя ожидают нелегкие времена, готовься!

Услышав такую новость, Басанг вздохнул:

– Видно, Советская власть меня в покое не оставит, пока не уничтожит. Но и я просто так не дамся. Буду сопротивляться, как смогу. – И звякнул затвором карабина.

– Не дури, парень. Сам понимаешь, что должен быть осторожнее, иначе никогда не увидишь земляков.

– Николай Палыч, спасибо, что предупредили, но вам лучше уехать, а то, не дай Бог, кто-нибудь увидит вас со мной, и до беды недалеко.

– Да, пожалуй, ты прав, надо уезжать. От бандита надо держаться подальше, – грустно усмехнулся старик. – Так что побыстрее седлай коня, собирайся в дорогу, а то, неровен час, Устинов со своими молодцами сюда нагрянет.

– Да, Устинов первым делом должен сюда заявиться, а я должен достойно встретить этого гада. Я же его предупреждал, что второй раз просто так не отпущу.

– Что ты собираешься делать? – встревожился Нипалыч. – Воевать с ним надумал?! Это же не фашист какой-нибудь. Тронуть его – значит тронуть Советскую власть, что опасно для жизни. Сейчас за тобой охотится небольшая группа солдат, а ты хочешь, чтобы на твою поимку НКВД бросил полки? У него на это сил хватит, ты же как бельмо на глазу. Так что не дури! Понял меня?

– Конечно, понял, но я хочу встретиться с Устиновым и преподать ему урок военного дела. Думаю, ему он не помешает.

– Э-э-э, с тобой, оказывается, говорить бесполезно. Правильно говорят калмыки про таких, как ты: скотина в шапке! – рассердился старик.

Проводив друга, Басанг разобрал карабин, тщательно смазал ружейным маслом все части. Потом не спеша собрал оружие, обстоятельно протер его тряпкой. Напоил лошадь перед дорогой. Пока возился, незаметно подкрались сумерки. Поужинав, Басанг неторопливо отправился в сторону русского села. Коня оставил в овраге, дальше пошел пешком. Звезды таинственно подмигивали ему с неба, для появления луны было еще рановато.

Степняк остановился на краю села среди густых кустов смородины. Прислушался, силясь определить, что происходит там, на улицах. А там было шумно, звенела балалайка, залиристо играла гармонь, слышались женские, реже мужские голоса. Басанг понял, по какому случаю веселье: здесь все еще находились военные. Видимо, Устинов решил еще немного побыть в гостеприимном селе, а уж потом заняться поимкой Бембеева. Женщин понять можно: у многих мужья и женихи на фронте, а бесконечный тяжелый труд на колхозных полях изнуряет, хочется хоть немного развеяться, забыть, что завтра ранним утром опять нужно идти на ферму, на уборку сена. У солдатских вдовушек в этот вечер есть возможность, чем черт не шутит, встретить надежного человека, с которым можно связать свою дальнейшую жизнь. И ничего, что есть дети, может, кто клонет на молодуху и не посмотрит на ее «хвост». Разумные жёны на эти неожиданные гуляния не очень-то пускают мужей, вернувшихся с фронтов по ранению. Не доверяют. И ничего, что у мужей не хватает некоторых конечностей. Бывали

случаи, когда такой инвалид, улучив момент, в темном углу настигал молодушку и... через девять месяцев, как положено, появлялся у неё ребенок. И пошли пересуды в деревне.

– Слышь, Дуся, Авдотья-то родила!

– Откуда? – притворно удивлялась хитрая Дуся, вытаращив голубые глаза, хотя сто раз видела большой живот Авдотьи. – У ней ведь муж еще в сорок первом погиб под Москвой... Она что, как дева Мария, от святого духа понесла?

– Какая тебе святая Мария?! От одноногого Сидора родила.

– Стыдобища-то какая! У этого беспутного Сидора свои дети есть и жена...

И вот уже при встрече обманутая жена Сидора с воем и проклятиями рвет волосы несчастной Авдотье, у которой нет никакой надежды на счастливую семейную жизнь. Рано ли, поздно ли село успокаивается.

Только изменнику Сидору уж не видать посиделок – жена не пускает. О разводе тем не менее даже не помышляя: кто же будет кормить детей? Да и пенсия по инвалидности, хоть и маленькая, не помешает семейному бюджету. Теперь если Сидор идет на гуляния, то только с женой и под ее неусыпным надзором. А все равно, отрывая от своей семьи, при встрече украдкой сует Авдотье то кусок сала, то немного денег, чтобы растила здоровым плод нечаянной любви...

В этот теплый вечер в селе праздник: как же, приехали здоровые мужчины. Ближе к полуночи шум усиливается: смех и опасные намеки на какие-то обстоятельства звучат более уверенно.

Меня ничто не веселит,
Дороги товарочки, –
Только белые конверты,
Голубые марочки.

Песню молодушки тут же подхватывает подружка.

Задушевная подруга,
Нам придется горевать:
Двадцать пятый год угнали,
Больше их не видывать!

Без перерыва визгливо запеваает другая, завершая уже плаксиво:

Кабы не было болота,
Не росли бы ягоды.
Кабы дружку не на фронт,
Горевать не надо бы, – у же.

Поделиться своим несчастьем торопится следующая девушка:

Наш-то папенька уехал
На границу воевать,
Нас, сироточек, оставил
Горьки слезы проливать.

«Наверное, ее отец ушел на фронт в начале войны и там погиб», – догадывается Басанг.

Мой миленок на войне,
На войне, в пехоте.
Добровольцем пожелал,
По своей охоте!

Тоскливо звенит в ночном небе голос молодой женщины. Его поддерживает другой:

Мой миленок – белый лебедь,
Не дождусь, когда придет,
Не дождусь веселых дён,
Когда мы парочкой пойдем.

«У этих двоих мужья или женихи живы и воюют», – решает Басанг. Кстати сказать, русские и калмыцкие частушки под гармошку и домбру во многом сходны. И у русских, и у калмыков из частушек можно узнать, что волнует и заботит исполнителя. В песне люди сообщают не только о своих личных и колхозных проблемах, но и том, что происходит в стране и в мире. А поскольку идет война, то, конечно, необходимо воспеть подвиг фронтовика.

Напишу письмо Светланке,
Пусть узнает весь колхоз:
Я подбил три вражьих танка
И фашистский бомбовоз!

Пел русский однополчанин Бембеева, который действительно в одном бою подбил три немецких танка, а в другом умудрился из своего ПТРа сбить бомбардировщик. Позже он был сражен пулей вражеского снайпера.

Так, слушая частушки и звуки гармошки, Басанг пробрался к дому Нипалыча, постучал в ставни. Через некоторое время появился Нипалыч.

– Басанг, ты что, смерти здесь ищешь, что ли? Я же тебе сказал, что у нас полно солдат, – проворчал старик.

– Николай Палыч, вы на меня не сердитесь. Мне нужен этот Устинов. Надо с ним поговорить...

– Ты, парень, совсем, что ли, с ума сошел? Ты понимаешь, что он непростой человек, он в НКВД служит?! Увидит тебя и сразу пристрелит, – еще больше разозлился Нипалыч.

– Не сможет он меня убить, вот увидите! Да и я не собираюсь его трогать, честное слово! Мне нужно знать, в каком доме он остановился. Скажите или покажите, где, – просительно сказал Басанг.

– Черт его знает, почему я с тобой связался? Ну теперь уж поздно жалеть. Ты ведь знаешь, где находится дом нашего председателя? Так вот, он там. Иди, беседуй с этим капитаном, а я посмотрю, что будет.

Басанг поправил на груди орден, протер рукавом гимнастерки поблекшую медаль, открыто, ни от кого не таясь, пошел по тенистой улице.

3

Навстречу ему попадались парочки, группки солдат и женщин. Никто не обращал внимания на Бембеева. В жаркое калмыцкое лето хорошо прятаться в тени деревьев, отдыхать в палисадниках, вдыхая пьянящий аромат цветов. Всего этого нет в калмыцких хотонах.

«Умеют же русские украшать свою жизнь вот такими деревьями, кустарниками да цветами! Нам, степнякам, до них в этом далеко, нам, бывшим кочевникам, надо у них учиться, учиться и учиться. Даже в такие тяжелые дни русские стараются жить как прежде, словно нет войны», – с завистью думал Басанг, приближаясь к дому председателя.

– Аманжол, ты, что ли? Куда намылился? – окликнул его встречный солдат с девушкой под ручку.

Бембеев напрягся. «Похоже, меня приняли за сослуживца», – решил он и молча прошел мимо.

– Ты что, язык проглотил? – рассердился солдат.

Но девушка мягко сказала:

– Оставь его, Петя, в покое. Видишь, он куда-то торопится.

– Вот шайтан нерусский...

Басанг перевел дух и, сжав пистолет в руке, с тревожным сердцем подошел к белевшему в лунном свете дому. «Но как же этого гада выманить? Спит, небось. Был бы он немецким офицером, не было бы проблем: подкрался, оглушил, кляп в рот, взвалил на плечо – и к своим. А этот, как-никак, советский капитан, как его взять-то?» – думал Бембеев.

Неожиданно ему в нос ударил резкий табачный запах, затем послышался кашель. Басанг пригляделся и в лунном свете увидел Устинова. Тот курил, сидя на крыльце. На его плече висел китель, ноги были обуты в шлепанцы. Бембеев открыл калитку. Услышав скрип, капитан поднял голову.

– Ну, здравствуй, здравствуй, товарищ Устинов! Ты чего так раскашлялся? Курить надо бросать, а то легкие совсем испортишь, – произнес Басанг, приближаясь.

Тот, узнав Бембеева по голосу, но все еще не веря своей догадке, дрогнувшим голосом спросил:

– Ты кто? Представься! Воин, я тебя не вызывал.

– Э-э-э, ты, я вижу, не узнаешь меня. Я твой старый «друг», которого ты мечтаешь поймать. Я – Бембеев. Вот решил облегчить твою задачу, сам к тебе явился. Чего дрожишь-то, давай арестовывай меня! Встать!

Капитан встал. Басанг, махнув пистолетом в сторону калитки, приказал:

– Вперед! Пикнешь, получишь пулю в затылок. Ты меня знаешь, не промахнусь.

Еле передвигая ноги, Устинов двинулся по улице. Сзади в двух шагах, держа наготове пистолет, зашагал Басанг.

– Вася, смотри, наш капитан решил тайно посетить вдовушку, – услышал Басанг шепот в кустах.

– Тише, тише, не дай Бог, если он услышит нас – беды не оберешься. Только кто это сзади него идет? Что-то не узнаю...

Басанг с капитаном удалились на значительное расстояние от села. Зашли в кусты смородины.

– Стой! Пришли. Здесь и будем разговаривать, – сказал Басанг голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

Они присели напротив друг друга на сложенные для сидения кирпичи. Видимо, здесь мужики собирались для неформального общения, поскольку тут же валялась пустая бутылка, судя по запаху, из-под самогона. Зачем-то понюхав, Басанг брезгливо отшвырнул посудину.

– Если решил убить меня, то не тяни время, поскорее кончай это дело, – нервно откашлявшись, нарушил молчание Устинов.

– Не спеши, успеется, до рассвета времени много. Коли хочешь курить, кури, – ответил Бембеев. – Сначала поговорим.

Устинов достал из кармана мятую пачку папирос, закурил. Басанг заметил дрожащие руки и затравленный взгляд капитана. Так смотрит животное, которого готовят на заклание. Бембеев вспомнил, как убивал «языка». Тот тоже смотрел на него глазами, полными ужаса. Его пришлось убить, потому что этот немецкий солдат стал обузой для разведчиков, возвращавшихся с удачной «охоты». На всякий случай шестеро смельчаков пленили двоих: офицера и этого немолодого солдата. Исчезновение сослуживцев немцы обнаружили быстро, в небо взлетели осветительные ракеты, поднялась беспорядочная стрельба. Разведчики залегли и уже ползком двинулись к своим, но двое из них были серьезно ранены. Стало ясно, что четверым двоих «языков» не донести, нужно спасать товарищей. Один немец оказался лишним, а поскольку офицер важнее, то решили ликвидировать солдата. Только кто это сделает? Никому не хотелось убивать немца: одно дело – в бою заколол врага штыком и тут же забыл, а как убить человека, глядящего на тебя так жалобно?! Нет, роль палача никто брать на себя не хотел. Все отводили глаза в сторону.

Наконец Муратбай посмотрел на Бембеева и коротко приказал:

– Ты!

Вздохнув, Басанг вытащил финку. И тут же при свете ракеты наткнулся на взгляд немецкого солдата. Тот все понял и смотрел на Басанга прозрачными, полными слез глазами.

Бембеев растерялся, пробормотал:

– Глаза, глаза ему закройте... Не могу, когда так на меня смотрят...

Муратбай понял состояние друга и сам прикрыл ладонями глаза немца. Нож Басанга легко прошел между ребер солдата. Немец судорожно вздохнул и затих. Бембеев с Муратом тоже вздохнули – самую неприятную работу разведчики сделали.

Теперь такими же глазами на него смотрел Устинов. Басанг вздрогнул – второй раз такого потрясения он не вынесет.

– Боишься? – спросил невесело. – Жить-то хочешь? По правде сказать, я тебя еще во дворе председателя хотел зарезать и тихо смыться. Кто бы догадался, что это я сделал? Но поразмыслив, решил узнать, что ты за человек, о чем думаешь и думаешь ли вообще о чем-нибудь? А потом решу, что с тобой делать. У меня к тебе накопилось много вопросов. Например, было ли тебе жалко стариков, женщин и детей, которых ты выселял? В чем они виноваты?

– Как человек военный, я выполнял приказ советского правительства. Если каждого жалеть, можно сойти с ума. Не выполнившего приказ ждет трибунал, ты, как человек военный, тоже это знаешь. Равно как и то, что такое трибунал в военное время. Кстати сказать, не одних калмыков выслали, некоторые другие народы тоже отправили в Сибирь, в Северный Казахстан, Среднюю Азию и в другие не очень уютные места.

– Кого же еще? И по какой причине? Эти-то что натворили? – спросил Басанг.

– За сотрудничество с оккупантами в конце августа сорок первого выслали немцев Поволжья, а республику ликвидировали. Месяца за полтора до калмыков по той же самой причине выслали карачаевцев. Потом пришла очередь чеченцев и ингушей. Этих зимой сорок четвертого, аккурат в День Красной Армии, отправили на восток страны. Балкарцев и крымских татар весной того же года – в Среднюю Азию. А как ты, Бембеев, хотел? Требование военного времени такое, что надо наказывать вражеских пособников. Или прикажешь их по головке гладить? Война

еще не кончилась, поэтому не исключено, что выявятся еще народы-предатели, которых придется тоже отправить подальше в холодные края, чтобы охолонули там маленько. Кто знает?

«Как же это чудовишно! – задумался Басанг. – Для чего же тогда большевики делали Октябрьскую революцию? Для чего наши отцы и братья проливали кровь на Гражданской войне, громили белых, защищавших старые порядки? А после для чего уничтожали богачей, раскулачивали их, опять же высылали в холодные края? Для счастливого будущего наших детей, что ли? Так быть не должно, невозможно построить свое счастье на несчастье других. Есть такая калмыцкая поговорка. Так неужели все эти войны и революции для того, чтобы посадить на свою шею большевиков? Для этого нужно было извести столько людей? А теперь коммунисты выселяют народы, которые тысячелетиями жили на родной земле. Так кто же они, эти большевики? Один из них трясется от страха напротив меня. Что с ним прикажешь делать? Может, убить? Но вместо него придет другой капитан и продолжит его дело. Нет, Устинова убивать не стоит. Надо его напугать как следует, чтобы стал менее опасным, и отпустить», – решил про себя Бембеев.

– Слушай, капитан. Ты понимаешь, что находишься у меня в плену? – спросил он у Устинова. Тот лишь обреченно кивнул. – Так вот, твоя жизнь теперь на кончике моего ножа, но могу и отпустить тебя на все четыре стороны. Ты понял?

Капитан, опять кивнув, с опаской спросил:

– А что ты со мной собираешься делать?

– Тебя убить – раз плюнуть. Закопаю тело в степи, и никто не узнает, где могилка твоя. Никто ее не найдет. Но я тебя отпущу. С одним условием: продолжай меня ловить, но не очень активно, иначе о том, что ты был у меня в плену, узнают все. Тогда тебя ждет трибунал, штрафной батальон, в итоге – немецкая пуля. Ты сам это знаешь, так ведь?

– Конечно, знаю, – шумно вздохнул Устинов. – Хорошо, я согласен на твое условие. Даю слово офицера, что не буду сильно активничать.

– Тогда ты свободен.

Капитан ушел, оглядываясь на каждом шагу. Вскоре его силуэт пропал в предутреннем тумане.

4

Прошло несколько лет, как закончилась война. Все эти годы Басанг скрывался в астраханских степях и казахских аулах, посещал и русские села, где у него жили друзья. Теперь он без опаски мог передвигаться даже днем, поскольку ему сообщали, где находятся в данный момент солдаты. Но, на всякий случай, безоглядно он мало кому доверял, поскольку за поимку «бандита» Бембеева было обещано хорошее вознаграждение. Кто-то мог соблазниться деньгами и попытаться получить их ценой свободы и жизни неуловимого калмыка.

Однажды Басанг увидел в степи около десятка всадников. Рассмотрел в бинокль, что почти у каждого за спиной висело ружье, а у правого бока свисал волосяной аркан. «Уж не по мою ли душу едут эти джигиты?» – подумал Басанг. Всадники тоже его заметили, быстро рассыпались по степи. Готовя арканы и срывая с плеч ружья, поскакали навстречу. Басангу стало обидно: неужели эти чабаны решили взять его, как какого-нибудь безобидного сайгака?! Он не стал убегать. Развернув коня, молча застыл в ожидании «охотников». Когда всадники приблизились, снял с плеча карабин и, почти не целясь, тремя выстрелами сбил малахаи с нападавших. Четвертая пуля попала в лошадь, которая на полном скаку кувыркнулась через голову, подмяя под себя джигита. «Смельчаки», придержав коней, тоже открыли

огонь, но для их ружей Басанг был недостижим. Он опять вскинул карабин, и опять трижды прогремели выстрелы, на этот раз пули пропели над головами незадачливых соискателей премии за голову калмыка.

«Охотники», прикинув к гривам лошадей, развернулись и помчались восвояси. Басанг расхохотался:

– Эй, чабаны! Вам лучше пасти овец, а не за мной гоняться! Со мной у вас ничего не выйдет! Если еще раз встретитесь, то пеняйте на себя, жалеть я вас больше не буду и сделаю сиротами ваших детей, раз вы такие непонятливые! Езжайте к своим женам!

Он развернул коня и неспешно отправился своей дорогой.

– Однако какой меткий, оказывается, этот бандит Бембеев, чуть не убил! – подбирая сбитый выстрелом малахай, озадаченно почесал голову любитель легкой наживы. – Нет, больше я так рисковать не стану, уж лучше и вправду за овечками ходить.

Тем временем Басанг выяснил, что этих охотников снарядил ружьями начальник районной милиции, пообещав каждому в случае успеха корову и лошадь. «Что ж, я тебя, гражданин начальник, должен буду наказать. Нечего тут у меня народ баламутить», – думал Басанг. Выждав неделю, однажды вечером он отправился в районный центр и опустил там письмо в почтовый ящик, а сам отправился в Астрахань, чтобы пройтись по улицам города, в котором в последний раз бывал еще до войны. Старый город ему нравился. Калмыки не раз осаждали Астрахань, но успеха не добивались: уж слишком мощными были стены города, в отличие от Царицына или Тамбова, которые степняки не раз захватывали и возвращались оттуда в хотоны с богатой добычей.

Бывая в Астрахани, Басанг любил гулять в Кремле. И теперь он, с интересом поглядывая на стены, вспомнил легенду о Миитр-нойоне, которую слышал от бабушки. Этот нойон при очередной стычке с астраханскими стрельцами попал в плен и был посажен в темницу, откуда замыслил вырваться на свободу. Но как преодолеть высокую крепостную стену, да ещё без оружия? И стал хитрый нойон хвастаться своим конем, который может преодолеть любую преграду. По его словам выходило, что такого коня, как Аранзал, во всем мире невозможно отыскать, и что если надо, то он перепрыгнет вот эту кремлевскую стену. Такой чудовищной лжи охранники, конечно, не поверили:

– Хорош врать-то, нойон, эту стену перепрыгнуть невозможно. Разве если присобачить к твоей лошадке крылышки?

– Тогда давайте поспорим! – разгорячился Миитр-нойон. – Моему коню эта стена не преграда. Перепрыгнет!

– Ха-ха-ха, – рассмеялись караульные и привели к нойону его коня.

– Значит, мне, самому правдивому нойону на свете, не верите?! Хорошо же, приторочьте к седлу два мешка песка. Мой Аранзал вместе с ними перескочит эту стену! – закричал Миитр-нойон.

– Ну хорошо, хорошо. Но если ты не сможешь перескочить стену, то мы отрубим тебе голову, будешь знать, как хвастаться и врать (в те времена у русских была привычка: чуть что, отрубали топором голову).

– Договорились, это ваше право, – согласился Миитр.

Сел, значит, наш славный нойон на коня, сделал на нем несколько кругов вдоль высокой стены, потом отъехал немного вглубь крепостного двора. Пришпорил скакуна и помчался к стене. На ходу отрезал мешки и, еще раз пришпорив коня, с криком «чу-у-у» перескочил стену.

– Видели, гады?! – послышался из-за стены ликующий голос нойона.

«Оказывается, у неожиданно освободившегося от тяжелого груза коня силы удесятерятся. Поэтому нойон смог перепрыгнуть десятиметровую стену – объясняла несмышленому внуку бабка. – Вот так наш славный нойон смог освободиться из плена».

Тогда Басанг, с восхищением внимая легенде, представлял себя на месте Миитр-нойона. А когда вырос и впервые взглянул на Астраханский кремль, понял, как далека от реальности бабушкина легенда. Конечно, Миитр-нойон каким-то образом смог уйти из плена, но уж никак не перепрыгнув через крепостную стену. Басанг усмехнулся: «Каким же фантазером, однако, был нойон – эту стену никакой конь преодолеть не сможет. Вообще наши калмыки любят приврать – дальше некуда. Отсюда и рождаются легенды. А Миитр так вообще был, видимо, враль, каких поискать».

5

Тем временем начальник районной милиции Аман Джумагалиев получил письмо Басанга Бембеева и читал его с ухмылкой во весь рот. Сидевший рядом заместитель поинтересовался:

– Что смешное вам пишут? Ну-ка, ну-ка, расскажите, вместе посмеемся.

– И-и-и-их-их-их, – раздался в ответ визгливый хохот.

Смеясь и вытирая проступившие слезы, затрясшийся от нового приступа веселья начальник едва смог выговорить:

– Слышь, что пишет этот калмыцкий бандит: «Дорогой Амангельды Джумагалиевич! Здравствуйте! Я, Басанг Бембеев, “джигитов”, которых вы отправили для моей поимки, разогнал. Они, как овцы, разбежались по степи и теперь ни о каком захвате “бандита” Бембеева, ни о каких обещанных вами премиальных коровах не мечтают. Я же хочу наказать вас за этот подлый поступок. В течение трех дней я намерен угнать лошадей из милицейской конюшни. До свидания, уважаемый Амангельды Джумагалиевич». Слышал, Чиннибай Чиннибаевич? – опять зашелся в неудержимом смехе начальник милиции. – Этот калмык, конечно, смелый человек, но и глуп до невозможности. Как он собирается из запертой на замок конюшни угнать наших коней? Ключи от нее ведь у меня в кармане! К тому же там стоит вооруженный милиционер. Надо будет, поставлю еще одного караульного. Если Бембеев рискнет сунуться к конюшне, то сам может нам попасться. Интересно, он что, об этом не знает? Что-то этот человек затеял, – задумался Джумагалиев. – С другой стороны, этот Бембеев зря такое письмо не напишет. Так ведь, Чиннибай Чиннибаевич?

– Если по-моему, то эти три дня мы с вами, Амангельды Джумагалиевич, спать не должны. А у конюшни надо поставить двух милиционеров. Вдруг этот калмыцкий бандит сдержит свое слово и, чего доброго, припрется сюда?

За разговорами они не заметили, как наступили сумерки. Солнце, в последний раз озарив окрестность райцентра и прикорнувших у милицейской конюшни охранников, закатилось за горизонт.

Быстро стемнело. Тревожно залаяли собаки, по селу прогнали стадо коров с пастбища. За мычанием животных охранники не слышали друг друга, к тому же поднялся столб густой пыли. Их недавно приглашал к себе Джумагалиев, рассказал об угрозе в письме Бембеева и строго-настрого приказал держать ухо востро, не отвлекаться на ненужные разговоры, быть бдительными. Те ухмыльнулись, мол, службу знаем, а Бембеев вряд ли заявится к конюшне, которую охраняют такие батыры. Но спорить с начальником не стали, зная вспыльчивый характер Амангельды Джумагалиевича.

Проинструктиввав подчиненных, начальник милиции успокоился и, почувствовав навалившуюся на него огромную усталость, решил немножко вздремнуть, а то

голова была совсем тяжелой. За полчаса сна, думал он, ничего не должно произойти. К тому же было еще рано, а Бембеев, если решится, то нагрнет где-нибудь в районе полуночи. Может быть, под утро, когда все мирно спят. Что вероятнее всего, поскольку разбойники и волки чаще делают вылазки в это время.

А два милиционера у дверей конюшни коротали время, обсуждая и проклиная Джумагалиева и бандита Бембеева, от которого никому нет житья, а также удивляясь чрезмерной осторожности своего начальника и глупости калмыцкого бандита. Пока они так разговаривали, показался силуэт незнакомого человека. Они не обратили на него внимания, мало ли кто здесь ходит – время-то еще не позднее. Прохожих много. Охранники не поняли, откуда появился этот человек: вроде проходил мимо, а вдруг очутился прямо перед ними.

Тот, широко улыбаясь, сказал:

– Ну, вояки, здравствуйте, я Бембеев и пришел за вашими лошадьми.

Он вынул из кармана два тонких ремешка и кинул их онемевшим от неожиданности милиционерам. Тут же в руках Бембеева появился пистолет.

– Быстро откройте, для начала, дверь, а то я спешу, потом свяжите друг другу руки.

– У нас нет ключей. Они у начальника милиции товарища Джумагалиева.

– Тогда вяжите друг друга.

Те подчинились. Басанг проверил, насколько надежно они связаны, затянул покрепче узлы и, оценивающе оглядев замок, двумя ударами камня, который лежал тут же, сбил его. Распахнув дверь, Басанг пинками загнал незадачливых милиционеров в конюшню. Там повалил их на землю, связал ноги и принялся выгонять из стойла лошадей. Опытным глазом Бембеев определил наиболее резвую, оседлал ее и выехал на ней из конюшни... Вскоре табун лошадей, вздымая пыль, несся по улице поселка. Прохожие шарахались в стороны, удивляясь, куда это на ночь глядя гонят животных.

Увидев скачущих в пыли лошадей, замначальника милиции сразу догадался, что их гонит Бембеев. Спокойно возвращавшийся после ужина на работу Чиннибай Чиннибаевич на некоторое время остолбенел в растерянности: он никак не предполагал, что Бембеев решится прилюдно угнать лошадей. Придя в себя, метнулся в отдел.

– Бембеев наших лошадей угнал! – закричал с порога, перепугав спящего Амангельды Джумагалиевича.

Тот вскочил с лежанки как ошпаренный:

– Как угнал? Куда угнал? У-у-у, черт, сдержал-таки слово! Кто ж знал, что он с этим делом затягивать не будет... – крикнул от досады начальник. – Ну, погоди, догоним – с этого разбойника живьем шкуру спущу!

Услышав, что на райотдел совершено нападение, прибежали пять милиционеров. Они поймали лошадей, еще оставшихся на улицах поселка, и, даже не заседлав, кинулись в погоню. Скакали долго. Но вот взошла луна, преследователи, наконец, заметили вдали облако пыли.

– Товарищи, Бембеев от нас далеко не уйдет! Можете стрелять на поражение! – обрадованно крикнул Джумагалиев.

– Хей-хай, – кричали, засвистели милиционеры, прищипывая пятками копей.

Бембеев, то теряясь в клубах пыли, то опять появляясь, упорно гнал табун вперед. Но вот всадники увидели застывшего в седле калмыцкого бандита – он целился в них из карабина. От неожиданности милиционеры осадил своих лошадей, замедляя их бег. Грянул выстрел – и на пыльную траву повалился Джумагалиев. Коллеги прекратили погоню, склонились над начальником. Тот был жив и испуганно

моргал. Оказывается, пуля скользнула по щеке и срезала мочку уха. Взбешенные милиционеры открыли стрельбу вслед Бембееву, но он был уже далеко. Стало ясно, что дальше гнаться за ним бесполезно и ничего хорошего это им не сулит. А Басанг отогнал лошадей подальше в степь и раздал их по аулам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

О чем может петь степняк, чтобы скоротать время и скучную дорогу? О чем угодно: пролетел воробей – калмык или казах поет об этой птичке, показался вдали сайгак – славит это быстроногое животное, а также поет о том, как тяжело на него охотиться. И неважно, что степняку медведь на ухо наступил – все равно он дурным голосом оглашает безлюдную степь. Никто, кроме коня, его не услышит. Кого стесняться-то? Однажды Басанг, напевая очередную бесконечную песню, ехал в гости в аул к Алме и ее детям, которых давно не видел, а заодно собирался проведать Тулегена. Он успел привязаться к этому человеку, напоминавшему ему Муратбая, такому же рассудительному и умному. Утеш и Булбул, конечно, подросли и давно ходят в школу. Разумеется, девочка учится хорошо, а Утеш всегда был балованным ребенком. Наверняка он и сейчас доставляет матери немало хлопот. А может, Утеш уgomонился и теперь ходит в отличниках? Что ж, и такое бывает. Вот вырастут дети Муратбая – обязательно поступят в какой-нибудь институт. Станут председателями колхозов, врачами или учителями, как дядя Тулеген. Кто знает? Может, выберут совсем другую профессию, не связанную с аульными делами и школой? У детей моего друга должна быть совсем другая, более счастливая судьба, чем у отца. Так пел Басанг, радуясь скорой встрече с семьей покойного Муратбая.

Он оборвал песню, увидев вдали одинокого всадника. Тот ехал не спеша, часто озираясь по сторонам. Басанг осторожно коснулся плеткой крупа коня. Поняв, чего хочет хозяин, лошадь перешла на галоп. Вскоре они поравнялись. Басанг еще издали по посадке в седле заметил, что это женщина. Он поздоровался – женщина ответила. Бембеев, услышав мелодичный голос, пригляделся внимательнее: рядом с ним ехала миловидная девушка. Ему показалось, что он ее уже видел. Но где – вспомнить не мог. Может, во сне?

– Куда едешь, красавица? Как тебя зовут?

– Алтынай, – ответила она коротко.

– Почему ты одна в степи? Не боишься? А если попадетсЯ разбойник или другой какой-нибудь недобрый человек?

– А у меня камча. Разок огрею разбойника – не обрадуется, – девушка тряхнула плетью перед носом Басанга.

– А может, обрадуется, – засмеялся он, – от такой красавицы получить плеткой по «чердаку» – это же как подарок божий.

– Я корову ищу. Мои старшие братья погибли на войне, а то бы они поисками коровы занялись, это же мужское дело. Теперь мне вот приходится, – вздохнула она совсем по-детски. – Я живу с отцом и матерью. Совсем они старенькие. Что делать – у них кроме меня никого нет и некому нам помочь, – вздохнула опять Алтынай.

Было заметно, что девушка, весь день объезжавшая степь в поисках скотины, ни с кем не обмолвилась словом и рада любому собеседнику. А тут, на ее счастье, подвернулся такой благодарный слушатель, который, тихо улыбаясь, лишь согласно кивал головой. Басанг любовался загорелым лицом, тонкими бровями вразлет, уд-

линенными миндалевидными глазами и мало вникал в ее щебетание. Ему хотелось смотреть не отрываясь на ее аккуратно двигающиеся губы, кипенно-белые зубы.

Алтынай, не глядя на Басанга, продолжала рассказывать:

– Эта корова у нас единственная, больше у нас нет никакой живности. И вот она пропала. Лошадь, на которой я сижу, не наша, а соседская. Вот уже третий день я ищу эту проклятую Карлыгач, так зову я свою корову, и не могу найти. Никто, кого я встретила в степи, не сказал, что видел ее. На войне много солдат без вести пропали, так и моя Карлыгач, видимо, тоже, как они, пропала, – шумно вздохнула девушка. – А может, ее волки задрали? Как вы думаете? Извините, я забыла, как вас зовут. А-а-а, вы же мне не сказали, как вас зовут. Хи-и-итрый, вы знаете, как меня зовут, а свое имя не назвали!

– Мурат, – неожиданно для себя соврал Басанг. – Я твою Карлыгач тоже не видел. Может, ее съели волки, может, кто-то украл, зарезал, а мясо на городском базаре продал. Три дня ведь прошло. Но скажу одно: надо искать. Я помогу тебе в поисках.

– Бедная корова, – вздохнула Алтынай, – где она теперь? Но сейчас вечереет, надо ехать домой. А завтра поутру опять поеду ее разыскивать.

– А где твой дом?

– Недалеко. Во-о-он за тем бугром еще один бугор. Там мой аул.

– Это тот, где живет мой давний друг Баурджан, что ли?

– Какой Баурджан? Тот, у которого жену Фирюзой зовут? Так я их, конечно, знаю. Его сестренка со мной в одном классе училась. А он вроде мужчина в годах. Сколько ему лет?

– Тридцать.

– Старый лис, оказывается. А вам сколько?

– Двадцать пять, – опять соврал Басанг, густо покраснев. И подумал с беспокойством: «Что-то я сегодня часто вру...»

– Но и вы тоже далеко не молоденький. А мне скоро будет восемнадцать! Тоже возраст довольно солидный, – опять вздохнула Алтынай. – Надо же, даже не верится, что совсем недавно мне было шестнадцать, потом семнадцать, а теперь уже восемнадцать. Как время летит! Аж страшно! – опять вздохнула девушка.

У Басанга сладко защемило в груди: «Чего она так часто вздыхает? Не оттого ли, что ему двадцать пять и он староват для нее? А если бы она узнала, что мне за тридцать, что бы тогда сказала? Старик! Но и это не главное. Если бы я признался, что являюсь тем самым Басангом Бембеевым – как бы она себя повела? В степи ведь все, от малого до старого, знают о бандите Бембееве. Эта девушка наверняка тоже обо мне слышала». Эти вопросы роились в голове Басанга, как черви под паршивым овечьим хвостом. Только кто даст ответ? А корову найти надо – это ясно. Хорошо, если ее украли скотокрады. Басанг знал всех, кто промышлял в степи этим неблагородным делом. Только кто посмеет угнать последнюю скотину у одиноких стариков? Кто решится на такой грех? В степи это не поощрялось. Наверное, украли эту Карлыгач ошибочно. В таком случае вор обязан вернуть животное хозяину. Это неписанный закон степи. А закон никому не следует нарушать. Значит, завтра же надо искать скотокрада. Так думал Басанг, вполуха слушая щебетание Алтынай. А вот и аул.

Бембеев провел девушку до дома и на прощание попросил:

– Корову завтра не ищи, я сам этим делом займусь. – А потом, немножко помывшись, добавил: – Ты меня извини, но я побоялся, что ты испугаешься, когда мы знакомились. Я обманул тебя: я не Мурат, я Бембеев Басанг.

Алтынай побледнела.

– Тот самый? Про вас говорят, что вы бандит и разбойник... – неожиданно севшим голосом тихо произнесла она.

– Да, тот самый, – просто сказал Бембеев, отъезжая, и отправился к Баурджану. А испуганная девушка осталась, растерянно прикрыв ладошкой рот.

На следующее утро, когда на небе еще сверкали последние звезды, Басанг и Баурджан выехали из дома на поиски Карлыгач. И уже поздним вечером у избушки Алтынай мычала корова. Скотокрад в дом зайти не решился. Видимо постеснялся.

2

Анвара Есильбаевича Есильбаева в ауле не любили за спесивый нрав. Высокомерного обладателя внушительного живота и выпяченных толстых губ за глаза величали Баем, хотя, конечно, никаким баем он не был. Он был обычным главным бухгалтером в колхозе, каких тысячи в стране. С первого взгляда внешность этого человека производила отталкивающее впечатление. Басангу, впервые его увидевшему, толстяк тоже не пришелся по вкусу: ему на жизненном пути встречались подобные, и от них лучше держаться подальше. Обычно такие, как Анвар Есильбаевич, с людьми, не обремененными высокими должностями, обходились пренебрежительно, даже презрительно. Зато умели угодить начальству, ловили каждое слово, каждое желание.

Год назад главбух потерял жену. Скончавшись после недолгой болезни, она оставила Анвару Есильбаевичу троих маленьких детей. Перед вдовцом встал вопрос: как одному, без женщины, воспитать отпрысков? И он начал перебирать в уме аульных молодых вдовушек, каковых после войны осталось много. Но у всех них были свои дети, которых он кормить не собирался. И тогда он заметил Алтынай, которая, оказывается, уже подросла и вполне годилась для семейной жизни. К тому же девушка была на редкость красивой. От такой могут родиться хорошенькие дети.

С прошлой весны Бай зачастил к родителям Алтынай. Приходил всегда не с пустыми руками, обязательно с подарком. И девушке тоже приносил то красивый платок, то сережки. Но о своих намерениях никому не говорил. Хитрый главбух рассчитывал, что со временем к нему привыкнут родители будущей невесты, а может, и сама Алтынай проникнется нежным чувством. Тогда никто в ауле не посмеет сказать, что он ее купил или взял замуж силой. План оказался безошибочным. Он понял это, когда наставительно изрек старикам, что им нужен зять умный, с жизненным опытом, а главное – при должности и с большими возможностями, намекая на свою близость к колхозной кормушке. Дескать, ему ничего не стоит пристроить будущую жену на хлебное место в хозяйстве. Те, несколько не удивившись, закивали головами, как китайские болванчики:

– Правильно, правильно сказали, Анвар Есильбаевич. Именно такой зять нам и нужен, мы давно мечтаем о подобном муже для нашей дочери. Нынешняя молодежь ведь какая?! Своенравная растет, старших не слушает, живет по каким-то своим законам. Можно ли ей верить? Никак нельзя! Алтынай нужен именно такой муж, серьезный, с жизненным опытом, как у вас, Анвар Есильбаевич. Только где такого взять?

Старики давно догадались, зачем к ним ходит этот человек. Но, желая полной ясности, ждали, когда сам главбух прямо скажет о своих намерениях. И такой день наступил.

А Анвар не спешил с ответом. Он долго жевал губами, потом сложил руки на толстом животе, долго крутил большими пальцами, вздыхал, якобы собираясь с

мыслями. Старики, выжидательно глядя на него, ждали ответа. Наконец гость еще раз шумно выдохнул воздух из недр живота, задумчиво и одновременно торжественно произнес:

– Касым-ата, Хадича-апа, такой жених в нашем ауле есть!

– Так кто же, кто же это? – в один голос спросили старики.

– Это я! – торжественно объявил Анвар Есильбаевич и залился тонким смехом.

– Вы, дорогие мои Касым-ата и Хадича-апа, везучие, черти, – шуточно погрозил он им толстым пальцем, – у вас будет зять не только с отличной должностью, но и с большим авторитетом! Разве найдется не то что в нашем ауле, но и во всем районе такой уважаемый человек, как я? Так вы даете мне согласие на брак с Алтынай?

– Конечно, конечно, даем согласие, – зачастили Касым с Хадичей, – только согласится ли наша дочь? Вот вопрос! А если не даст согласия, то что прикажете нам делать? Старшие братья погибли на войне, и она привыкла жить свободно. Ах, если бы они были живы, то Алтынай подчинилась бы их слову, но их нет, – смахнула жидкую слезу старушка.

– Ну, это не моя проблема. Вы сами побеседуйте с ней, уговорите как-нибудь. Думаю, у вас это получится, должно получиться. Вы же помните, как раньше было. Кто у невесты спрашивал, за кого она хочет замуж, а за кого не хочет? Родители сами договаривались между собой, когда делать свадьбу, не спрашивая молодых. Так же? Жених с невестой только на свадьбе познакомились. Вот вы двое сами-то тоже до свадьбы друг друга не знали? Даже сейчас, когда на дворе Советская власть, многих по старинке женят. И ничего – живут, растят детей... Да что я вам рассказываю про старые обычаи, вы про них лучше меня знаете!

– Конечно, знаем. Мы со старухой все же обязательно должны с Алтынай поговорить. Только какой будет итог, сказать пока не можем, кто знает, что у нее на уме.

– Ну, поговорите. Обещаю за нее хороший калым. Разбогатеете тогда, – ухмыльнулся Анвар Есильбаевич.

Басанг надеялся забыть Алтынай и долго не появлялся в ее ауле. Однако девушка стала приходить к нему во снах. Проснувшись, Бембеев долго маялся, вспоминая их встречу, ее лицо, аккуратнодвигающиеся губы, смех. Наконец не выдержал, отправился в дорогу. Он мечтал в последний раз увидеть Алтынай и навсегда покинуть ее, отправившись на родину, в калмыцкие степи.

Подъезжая к аулу, увидел вдалеке одинокого всадника. Сердце Басанга тревожно забилось: неужели это она? Так и есть, это Алтынай. Он прищпорил коня и с деланной улыбкой подъехал к девушке.

– Здравствуй, красавица! Куда это ты направилась? Опять Карлыгач потерялась?

– Бембеев, это вы? Нет, корова дома, – ответила с грустью Алтынай, – а вы где так долго пропадали?

– А ты, я вижу, меня вспоминала? – попробовал пошутить Басанг.

Но девушка смотрела на него без улыбки, пристально, серьезно. И, опустив голову, тихо произнесла:

– Вспоминала.

– По правде, дня не проходило, чтобы я о тебе не думал, – сказал дрогнувшим голосом Басанг. – Наконец решил, что повидею тебя в последний раз, а потом уеду в родные края и постараюсь тебя забыть. А теперь не знаю, как быть. Зря, конечно, я тебя встретил. Пустое это дело: мое будущее туманно и мало шансов, что останусь жив. По советским законам тот, кто со мной свяжется, должен быть

наказан. Сама знаешь, что я за человек. У меня даже дома нет, создавать семью не имею права. Одним словом, я бандит. А ты молодая девушка и должна встретить хорошего парня, выйти за него замуж. Ты же это понимаешь?

– Конечно. Но у меня скоро свадьба, – с грустью вымолвила Алтынай.

– Как ты сказала? У тебя скоро свадьба?! – воскликнул Басанг. – А жених кто? Ты его хоть любишь?

– А мне теперь все равно. Я не хотела, но родители не давали мне покоя: выходи да выходи за Анвара Есильбаевича. Он человек состоятельный, главбухом в колхозе работает. Как сыр в масле будешь кататься. Если станешь его женой, то и нам на старости лет легче будет. А там и внуков нянчить пора придет. Жалко мне стало стариков, вот и дала согласие, а другого выхода я не видела. Свадьба должна состояться в конце следующей недели.

– Дело твое. Раз дала слово, обязана его держать. Я же не имею права портить твою жизнь. К тому же семья для меня – обуза. Я обречен быть холостяком. Конечно, я мог бы тебя и выкрасть по нашим степным законам, но нельзя! – сказал с горечью Басанг.

На это Алтынай ничего не ответила, лишь пристально взглянула на него и тут же отвела глаза. Они долго ехали молча. Вечерело, но девушка не спешила расставаться с Бембеевым. Дома потихоньку готовились к свадьбе. Приехали родственники из соседнего аула. Уже шьется нарядное платье, но по древнему обычаю невеста видеть его не должна. Басангу тоже спешить некуда, никто его нигде не ждет. Разве что солдаты. И все же пришла пора Алтынай возвращаться домой, не ночевать же в степи. Бембеев проводил ее до края аула, а сам с тяжелым сердцем поскакал к Баурджану.

3

Баурджан проснулся от стука в окно. Гадая, кто это может быть, вышел во двор. Увидев Басанга, удивленно протянул:

– Это ты? Ну, заходи, чайку попьем.

И, протяжно зевая, зашел в дом. Басанг потянулся за ним. Фирюза уже тоже была на ногах. Запалив керосиновую лампу, она разложила на низеньком столе хлеб, холодное мясо, на донышко пиал плеснула чай и уселась в сторонке. Мужчины, подперев локтями подушки, не спеша принялись за трапезу. Подкрепившись, Басанг, как принято у степняков, справился о здоровье жены, детей. Баурджан вежливо ответил, что все члены семьи здоровы, скотина тоже чувствует себя хорошо. И, внимательно посмотрев на друга, произнес:

– Вижу, тебя что-то гнетет. Мне это не нравится. Что случилось?

Гость молчал, собираясь с мыслями, а потом вместо ответа спросил:

– Я слышал, скоро в ауле свадьба?

– Правильно слышал. Одна девушка выходит замуж за одного негодяя, – сказал Баурджан со злостью. – Жалко Алтынай, которую некому защитить, все три ее брата с войны не вернулись. А какие защитники из старых родителей? Какой из Анвара Есильбаевича жених? Ему нужна служанка и нянька для детей. Поэтому мы с Фирюзой на эту свадьбу не пойдем.

– Есть человек, который может защитить Алтынай, – с грустью сообщил Басанг.

– Что ты сказал?! Уж не ты ли этот человек? А кто дал такое право тебе, постороннему человеку? – удивился Баурджан. – Девушка уже дала слово этому главбуху. Нельзя встревать в их почти семейные отношения, это грех, понял?

– Конечно, понял, но замуж ее выдают насильно. Об этом мне сказала сама Алтынай. И что теперь делать?

– Ты разговаривал с Алтынай? Когда же вы успели познакомиться? – изумился Баурджан.

– Почти год назад встретились в степи. Помнишь, у нее корова пропадала, а мы с тобой помогли ее найти? Вот с тех пор эта девушка не выходит у меня из головы. Вчера хотел в последний раз поговорить с ней, после чего расстаться навсегда. А когда услышал, что ее выдают за нелюбимого, задумался, и вот пришел за советом к тебе и Фирюзе. Что скажете? Что мне делать-то?

– Даже не знаю. Можно было бы, конечно, посоветовать украсть ее, но куда ты с ней денешься? У тебя ведь и дома-то нет. Будешь жить с ней в волчьих норах да по оврагам? – покачал головой Баурджан.

– А что тут думать-то?! Ты должен ее украсть, раз вы любите друг друга, большого греха тут нет! В старину всегда так поступали. Джигит ты или не джигит? Не надо никому отдавать эту девушку. Конечно, если у тебя есть желание уступить ее этой пузатой жабе, твое дело! Тогда нечего, как баба, сидеть тут и слезы лить! – отозвалась из своего угла Фирюза. – Если ты мужчина, то должен быть хозяином своей судьбы! Так я думаю, – добавила она уже мягче.

Баурджан не стал спорить с женой, сосредоточенно молчал. Молчал и Басанг, думая о чем-то своем. На некоторое время в избе наступила тишина, которую нарушило пиликание сверчка. Он, видимо, долго слушал, о чем говорят люди, а когда наступила пауза, решил поделиться своим мнением. Послышался сонный голос кого-то из спящих детей. Они, видимо, и во сне носятся по аулу, играя в войнушку. «Мухтар! Тулеген! Нурсултан! Окружайте гадов! Ур-р-р-р-а-а-а! Дыг-дыг-дыг! – это, видимо, “воины” скачут на лошадях. – Тра-та-та-та! Бабах! Урр-ра-а-а-а! Наша взяла! Руки вверх!»

Взрослые улыбнулись. И опять в доме наступила тишина, нарушаемая сопением с присвистом детских носиков, забитых засохшими сопельками.

– Скоро рассветет. Ты, Басанг, небось устал, иди отдыхай. Мы тоже немножко поспим, – сказал Баурджан, поднимаясь.

Гость согласно кивнул и прилег на мягкий матрац, брошенный на кошму. Но сон не шел. Басанг перевернулся на другой бок. Перед глазами стояли печальные глаза Алтынай. «Может, последовать совету Фирюзы и выкрасть девушку? Кого и чего мне бояться? Война кончилась, а группа по поимке меня где-то далеко, ничего о ней не слышно. Возможно, калмыков вернут домой. Их бы мы с Алтынай и встретили», – думал он. Неожиданно со скрипом открылась дверь и вошел.. Муратбай. Он сел у ног Басанга и, грустно улыбнувшись, спросил:

– Ну как поживаешь, дорогой друг? Все еще воюешь?

– Мурат! Ты откуда? Я же тебя давно похоронил! А ты, оказывается, живой! – удивился Басанг. – Если ты жив, то где столько времени пропадал?

– Нет, я умер, а то, что ты видишь, – это мой дух. Но можно сказать, что я жив. Я умру окончательно тогда, когда меня забудешь ты, мои дети, жена и все те, кто знал меня при моей жизни. Уверен, что мне это не грозит: мои дети своим детям и внукам будут рассказывать обо мне. И тогда мое имя обессмертится. На это я твердо надеюсь. Думаю, ты понял меня.

– Конечно, я понял.

Мурат тепло улыбнулся:

– Кажется, у тебя намечаются перемены в жизни? Это хорошо, негоже до старости ходить в парнях. А потом не забудь данное мне слово.

– А что я тебе обещал? – не понял Басанг.

– Э-э-э, забыл, совсем забыл о клятве, которую мы дали друг другу в окопе. Стареешь, что ли? Вроде рано еще, – засмеялся Муратбай.

– Но я же еще не обзавелся семьей! Кому я дам твое имя, если у меня детей нет и не предвидится? Сегодня жив, а кто знает, буду ли завтра топтать землю?

– Ее зовут Алтынай, так? – улыбнулся фронтовой друг. – Может, она и есть твоя судьба?

– Даже не знаю. Алтынай выходит замуж за другого человека, прям не знаю, – задумался Бембеев, – а что мне посоветуешь? Может, и правда выкрасть ее?

– Скоро в стране начнутся большие перемены. И тогда калмыки вернутся домой. Понял, к чему я клоню?

– Какие перемены? Когда калмыки вернутся на родину? – обрадованно воскликнул Басанг. Но друг исчез, только на том месте, где он сидел, курился легкий парок...

– Мурат, Мурат! – на всякий случай окликнул друга Бембеев и проснулся.

Было совсем светло, Баурджан и Фирюза возлились во дворе, дети еще спали.

4

Что такое любовь? Мало кто вразумительно может ответить на этот вопрос. Однако авторитетные люди обязательно скажут, что это чувство присуще только человеку, а животные и птицы создают пары только по зову крови и согласно инстинкту размножения. А как же, например, лебеди? Ведь эти красивые грациозные птицы всю жизнь вместе, а в случае гибели одного недолго живет второй. Среди этих удивительных пернатых даже нередки случаи самоубийства. Уж не любовь ли это? Недаром у калмыков лебеди считаются священными птицами, и охотиться на них категорически запрещено. Существует даже множество легенд о лебедях. Впрочем, калмыки по любому поводу и о любом животном слагали легенды...

У всех народов свадьба – это венец любви, а после нее молодых ожидает счастливая семейная жизнь, но это в идеале, и если, конечно, женились они по взаимному желанию, а не по принуждению. В не такие уж стародавние времена родители женили детей по своему усмотрению, не спрашивая их согласия. Так было принято, и самих родителей когда-то женили так же. И ничего, как говорят русские, «стерпится – слюбится». Действительно, молодые привыкали друг к другу, жили как все, растили детей и ни о какой другой любви не помышляли.

У калмыков и казахов свадебные обряды во многом сходны. Во время свадьбы проводятся конкурсы чтецов и певцов, конные скачки. Победители награждаются призами, как правило, баранами. Вся церемония сопровождается шутками, песнями и плясками.

Басанг приехал как раз в тот момент, когда Алтынай должна была выйти из дома, чтобы отправиться в дом будущего мужа. На улице ее ждал Анвар Есильбаевич с родственниками и друзьями.

Коротая время, гости оживленно беседовали. Жених красовался в нарядном бешмете, на голове высилась дымчато-серая цвета филина шапка. На полные плечи был накинута шитый золотом халат, а необъятный живот украшал пояс с золотыми нитями и серебряными бляшками, на котором висел большой нож, также инкрустированный черненым серебром. Все ждали выхода невесты. Басанг, остановившись среди конных казахов, тоже посматривал на дверь, откуда должна была появиться Алтынай в сопровождении подруг и родственников.

Басанг тоже тщательно подготовился к этой свадьбе: он был в нарядном калмыцком бешмете, на голове красовалась круглая каракулевая шапка с красной кисточкой – отличительным знаком ойратов. По этому поводу слышались шутки, мол, парень перепутал казахскую свадьбу с калмыцкой.

Стоящий рядом парень, ухмыляясь, посоветовал:

– Бембеев, ты смени бешмет на казахский. Это же не калмыцкая свадьба, а казахская!

Окружающие засмеялись.

– Ошибаетесь, друзья. Сегодня я тоже намерен жениться, – загадочно улыбнулся Басанг.

– Какая у тебя может быть невеста?! Может, ты считаешь невестой коня, на котором сидишь? – захохотали казахи. – Этот калмык совсем рехнулся!

Басанг тоже засмеялся:

– Ничего, ничего, скоро вы увидите мою невесту.

Открылась дверь, шум утих. На улицу вышли женщины, в середине торжественной процессии шла невеста, голова которой была укрыта большим нарядным белым платком. Гости опять зашумели, обсуждая невесту и ее наряд. Скоро снимут покров, и все увидят ее лицо.

Басанг, напряженно глядя на Алтынай, подался немного вперед. В это время с головы невесты пало покрывало, и раздалась оживленные возгласы гостей: «Це-це-це, какая, однако, невеста красивая!»

Неожиданно для всех Бембеев пришпорил коня. Тот в два прыжка оказался около невесты. Калмык, наклонившись, подхватил Алтынай под мышки и усадил в седло перед собой. Последовал еще удар плетью, конь рванулся из круга гостей и вылетел из аула. Басанг выхватил из-за пазухи пистолет и трижды выстрелил. Только теперь люди поняли, что произошло похищение невесты. Раздалась вопли женщин и возмущенные голоса мужчин:

– Шайтан! Разбойник! Надо догнать этого бандита и шкуру с него спустить!

На Анвара Есильбаевича было жалко смотреть: его толстые губы дрожали, бледное лицо блестело от пота. От толпы отделились около десятка всадников и устремились за Бембеевым. Однако вскоре они вернулись, видимо, вспомнив, что тот вооружен и метко стреляет.

А далеко в степи Басанга и Алтынай ждал Баурджан с двумя оседланными конями.

5

Они приехали к Алме, когда совсем стемнело. На улице еще мелькали безмолвные тени припозднившихся аульчан. В темноте слышалось повелительное:

– Асхат, Батырбек – марш домой!

В ответ звучали просительные детские голоса:

– Апа, ну сейчас. Еще немножко поиграем!

– Ничего не знаю, немедленно домой!

У Алмы сидел Тулеген, пил чай. Утеш и Булбул при свете лампы готовили домашнее задание. Увидев вошедших, дети вскочили, поздоровались. Басанг с Тулегеном крепко пожали друг другу руки, а Алтынай, теребя в руках свое свадебное саукеле, стала за женихом. Тулеген покосился на нарядную девушку, но ничего не сказал. С улицы зашла Алма с подойником, в котором плескалось молоко.

Басанг, улыбаясь, сказал:

– Можете поздравить меня – я женился. Жену мою зовут Алтынай.

И, ничего не утаивая, поведал, как все случилось. Тулеген, внимательно выслушав рассказ, покачал головой:

– Басанг, ты понимаешь, что поступил неправильно?

– Понимаю.

– Если понимаешь, зачем же выкрал невесту во время свадьбы? Это же делается до свадьбы! Ты что, не мог раньше?

– Я поздно узнал, что Алтынай насильно выдают замуж за нелюбимого. Как раз накануне свадьбы. Что же мне было делать? – оправдывался Бембеев.

Из угла, где сидели дети, неожиданно послышалось бормотание:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит...

– Тулеген Бурумбаевич, а что такое пустыня? – спросил Утеш.

– Пустыня – это место, где ничего не растет, пески... – рассеянно ответил учитель.

– Какой, однако, трудный язык этот русский. Никак не могу выучить стихотворение, а некоторые слова вообще не пойму, – вздохнул мальчик.

– А ты больше по аулу бегай! Придет со школы, портфель бросит под стол и мчится к дружкам, таким же двоечникам, как сам, и до вечера его не видно, – пожурила братишку Булбул. – Сейчас без русского языка – никуда! Ты это должен бы знать! Апа, он не стихи учит, а слушает, о чем вы говорите.

– Ты, Булбул, тоже сидишь и слушаешь их, – наябедничал в ответ Утеш.

– Замолчите, негодники! – прикрикнула на них Алма. – Что за дети, вечно ругаются!

Булбул и Утеш затихли. Басанг внимательно посмотрел на них. Пока он скитался по степям, ребятня заметно выросла. Булбул скоро превратится в красивую статную девушку. Уже сейчас можно залюбоваться ее черными, словно крылья ласточки, бровями и длинными ресницами, окаймляющими огромные глаза. Скольким ребятам вскружит она головы?! Сейчас Булбул учится в восьмом классе, а Утеш, наверное, в шестом, если только не оставался на второй год. Ростом он еще мал, да и голосок писклявый, детский, но характер, чувствуется, волевой. Со временем Утеш вырастет и станет совсем похожим на своего отца Муратбая, да переродится он в лучшем мире!

– Так что решим-то? – послышался словно издали голос Тулегена.

– Что решим, что решим? – озабоченно ответила Алма. – Здесь рядом живет девяностолетний аксакал. Его зовут Нурсултан. Ты, Басанг, должен его знать. Очень мудрый старик, знающий наши законы. Кстати, он калмыцкого происхождения, об этом он любит всем рассказывать. Его мать, оказывается, была калмычкой. Ну-ка, Утеш, слетай, пригласи аксакала к нам.

– Ха-а-а! Опять я! Чуть что, всегда я! Не пойду! Пусть Булбул идет! Мне надо стихотворение учить. Учительница по русской литературе двойку мне поставила. Буду теперь ее исправлять.

– Иди, тебе говорят! А то ты меня знаешь! Забыл? – разозлилась Алма.

– Тулеген Бурумбаевич, смотрите! Кто скотину кормит? Утеш! Кто убирает за коровами и овцами? Утеш! Кто поит их? Опять Утеш! Тогда какая тут может быть хорошая учеба?! В школе мне только тройки, реже четверки, а чаще всего двойки лепят. А пятерки я только во сне вижу! – пригорюнился Утеш. – Пусть Булбул идет к старику! Она, думаете, уроки учит? Брехня! Булбул читает постороннюю книгу. Про любовь!

– Ладно, Булбул, моя хорошая, позови-ка к нам Нурсултана.

Булбул встала, треснула Утеша книгой по голове и вышла, обиженно надув губки. Мальчик, томно воздев глаза к низкому потолку, забормотал: «Выхожу один я на дорогу... дорогу... один... э-э-э, кремнистый путь... тьфу, ананд... – чуть не

матюкнулся он по-казахски, но, опасаясь, что услышит мать, поостерегся, – какое трудное стихотворение, да еще по-русски. Тут с трудом учишь стихи на казахском языке, а тут надо еще и по-русски учить...» – страдал Утеш.

Вернулась Булбул.

– Аксакал сказал, что скоро будет, собирается, одевается, – объявила она громко.

И, схватив книгу, хотела еще раз огреть ею братишку, но тот поспешно закрыл голову руками. Тогда она, показав ему язык, углубилась в чтение.

6

С улицы донесся кашель, потом кто-то чихнул. Вошел высокий старик. Оглядев сидящих близорукими глазами, еще раз громко чихнул. Поздоровавшись, спросил:

– По какому делу вы меня позвали? Только без всяких предисловий и степных церемоний. Здоровье мое неплохое, внуки-правнуки тоже живут неплохо. Скотина во дворе жиреет, приумножается. Голод мне не грозит.

Тулеген вкратце рассказал аксакалу историю Басанга и Алтынай. Тот некоторое время молчал, а потом покачал головой:

– Ну что тут сказать? Это дело поправить тяжело. Ты Алтынай, говоришь? У тебя есть возможность вернуться к жениху, если, конечно, этот калмыцкий разбойник к тебе не дотрагивался. Если нет, то хорошо. Тут твоей вины нет, если этот Бембеев выкрал тебя со свадьбы без твоего согласия. Так ведь?

Алтынай покачала головой:

– Этот человек выкрал меня со свадьбы с моего согласия. Поэтому я буду с ним до конца, сколько Аллах нам жизни отмерит. И домой теперь не вернусь. Что мне там делать? Искать своей погибели?

– Но вы не можете здесь жить! Придется вам несколько лет скрываться в чужих краях. Иначе обиженные родственники жениха могут где-нибудь вас подкараулить и убить. Вообще калмыки глупый народ, вечно влипают в какие-нибудь истории, участвуют в безнадежных предприятиях. Я это говорю, потому что мне уже девяносто лет и во мне течет калмыцкая кровь. Мать моя калмычкой была, да переродится она в лучшем мире. К слову сказать, отец ее тоже выкрал. Но не во время свадьбы, а встретил в степи, перекинул через седло и умчал в аул. Без ее согласия. Они не были даже знакомы, но ничего – прижились. Родила она детей, потом появились внуки. Думаете, мои мать с отцом любили друг друга? Я считаю, что с годами к ним пришло взаимное уважение, а это очень хорошо – жить в согласии, воспитывать вместе детей, внуков.

Так вот, я хотел рассказать о калмыках. Раньше ведь они были довольно многочисленным воинственным народом. Не давали покоя соседям, то и дело совершая на них разорительные набеги, отбирая земли. А сколько калмыцких батыров полегли, защищая русские и свои границы! Вот постепенно и сократилось население ойрат-калмыков. Но самой страшной катастрофой была откочевка 1771 года. Думаешь, Бембеев, Убуши-хан не знал, что Китай истребил до миллиона ойратов в Джунгарии? Я уверен, что знал, а все же полетел на историческую родину, как мотылек на пламя свечи. Видимо, решил, что восстановит джунгарское ханство. В итоге еще несколько сотен джигитов полегли по пути.

Тут и наши казахи с киргизами отомстили калмыкам за прошлые обиды. Еще и русская ханша Екатерина натравила на степняков башкир, уральских казаков и отправила в погоню регулярные войска. Так, воюя, калмыки достигли пределов

прежней родины, ставшей китайской провинцией. И конечно, никакой речи о восстановлении Джунгарии быть тут не могло. Вот и стали калмыки малым народом, которого мог обидеть любой другой многочисленный народ. Теперь вот Сталин за что-то невзлюбил калмыков и выслал в Сибирь. И кто сейчас скажет, сколько в холодных краях вымерло людей? Наверняка калмыков стало еще меньше. Глядишь, и вымрет, исчезнет с лица земли этот беспокойный народ, богатый ратными делами. В лучшем случае числом калмыки сравняются с малочисленными народами Севера. Бедный мой народ!

Но Сталин не вечен, когда-нибудь придет его время уходить в мир иной. Только вместо него может прийти другой Сталин. Тогда народы, изгнанные со своих земель в Сибирь, Среднюю Азию и сюда, в Казахстан, не смогут вернуться на родину. Так я думаю. А вы езжайте на свою землю и там живите. Если, конечно, вам дадут там жить. Глядишь, все-таки твои земляки вернуться... Это было бы хорошо, но кто знает, кто знает...

Окончив рассказ, Нурсултан задумался. Притихли и рядом сидящие слушатели, только Утеш, шмыгая носом, с отчаянием бормотал:

– Ночь тиха, пустыня внемлет богу... внемлет богу, внемлет, внемлет богу...

Булбул, отложив в сторону книгу, со страхом и одновременно с интересом смотрела на Басанга и Алтынай. Она понимала, что впереди их ждут нелегкие испытания. Только не смогла разгадать, осуждают дядю Басанга взрослые или жалеют. Влюбленные, задумчиво опустив головы, сидели тихо. Басанг ждал от этого аксакала ценного совета, как жить дальше, но тот лишь сказал, что среди казахов им теперь не место. Так следует понимать старого Нурсултана. Что ж, придется возвращаться в родные степи. Алма и Тулеген ждали, что еще скажет аксакал. И вот он нарушил задумчивое молчание и, поглядев на понуро сидящих Басанга и Алтынай, произнес:

– А что еще сказать? Эти два негодника свое дело сделали. Теперь ничего поправить нельзя. Им остается только одно – жить счастливо и дружно, не обращая внимания, как говорят калмыки, на людские пересуды и на лай собак. Желаю вам много детей, и дай вам Бог, чтобы вы увидели внуков и правнуков, а также дожили до моего возраста. Да будет так!

С этими словами Нурсултан отхлебнул чай из пиалы. Остальные произнесли следом за ним:

– Да будет так! – и тоже глотнули из пиал.

– Молодежь, вы не обижайтесь на старика. Сказал то, что думал. Уж в слишком тяжелое время вы задумали создать семью. Но надеюсь, что тяжелые времена пройдут, должны пройти, и вы заживете нормальной семейной жизнью, как все. Так что вы не должны терять надежду на лучшее будущее. Поняли меня? – улыбнулся аксакал.

– Поняли, конечно.

– Ну, если поняли, то не надо унывать. Радоваться должны. И забудьте то, что я наговорил вам вначале. Я человек старый, иногда хочется побурчать. Доживете до моих лет, поймете. А калмыки и казахи – это родственные народы. Ведь не зря казахи говорят, что они калмыцкие племянники. А почему так говорят, вы, конечно знаете.

Алма и Тулеген согласно улыбнулись. Басанг, глядя повлажневшими глазами на аксакала, растроганно произнес:

– Даже не знаю, как мне вас благодарить. Сказанное вами слово подобно подаренному нам золоту. Я на всю жизнь запомню то, что вы нам пожелали...

На следующий день Анвар Есильбаевич выехал в областной центр. Здесь он быстро нашел здание НКВД. В кабинете начальника положил заранее заготовленное заявление, в котором рассказывал, что произошло на несостоявшейся свадьбе.

Начальник, внимательно изучив текст, возмущенно сказал:

– Что себе позволяет себе этот Бембеев?! Украсть со свадьбы чужую невесту – это, знаете ли... э-э-э, как его, – он долго шевелил в воздухе пальцами, наконец вспомнил нужное слово, – волюнтаризм. Не-е-ет, надо этого бандита поймать и примерно наказать, а если будет сопротивляться, то тут же застрелить. Наверное, он долго жил без женщины и поэтому, наверное, озабочен тем, как удовлетворить свою плоть, – предположил начальник. – Если поймаем живым, то его сначала надо будет кастрировать, а потом расстрелять. Вот тогда мирные жители, наконец, успокоятся, а мы избавимся от этой головной боли. А то надоел совсем! Сколько лет мы его ловим и не можем никак поймать! А всё ваши казахи! Нет чтобы выдать нам бандита, помогают ему скрыться.

Начальник закурил и нервно зашагал перед визитёром. Потом остановился и сказал:

– Вы, Анвар Есильбаевич, езжайте домой, а мы вашу проблему решим. Бандит Бембеев обязательно понесет заслуженное наказание за свои преступления. Но и вы должны нам помочь. Если что о нем услышите, сразу свяжитесь с нами. Так совместными усилиями, глядишь, и покончим с этим Бембеевым. Тогда я сам приведу к вам вашу Алтынай. Хорошо?

– Я, конечно, буду стараться вам помочь. Как только узнаю, где находится Бембеев, сразу сообщу вам по телефону. Как раз недавно нам в конторе установили телефон. Удобная вещь! Только Алтынай мне теперь не нужна. Зачем мне женщина, побывавшая в чужих руках?! По-русски сказать, – бывшая в употреблении. Ради Бога, поймайте или, лучше, убейте этого бандита, а то надо мной люди смеются. Срам-то какой! Я же не только главный бухгалтер колхоза, но член ВКП(б), – прижимая обе ладони к груди, жалобно выговорил толстяк.

– Конечно, конечно, Анвар Есильбаевич! Как можно «бывшую в употреблении» женщину возвращать жениху?! Я как-то об этом не подумал. Не переживайте так! Вы же уважаемый человек и член сталинской партии. Мы обязательно поймаем этого бандита.

– Тогда я поеду. Только на вас, на бериевский НКВД, надеюсь. Поймайте этого Бембеева и убейте! Алтынай тоже можете убить! Кому она теперь нужна? Связалась с бандитом и теперь сама стала бандиткой!

В это время Басанг с Алтынай, весело переговариваясь, скакали по степи.

– Я покажу тебе калмыцкую землю. Честно говоря, от казахской она ничем не отличается. Реки и озера встречаются редко, трава уже в конце мая выгорает под жаркими лучами солнца. Правда, калмыков ты там пока не увидишь. В степи остались только русские и украинцы. Они живут в своих селах и работают в совхозах и колхозах. Среди них у меня есть друзья. Одного зовут Николай Палыч, его все коротко величают Нипалычем. Обязательно вас познакомлю.

Вчера они до рассвета сидели у Алмы. Разговаривали, шутили. А когда молодые собирались в дальнюю дорогу, хозяйка отозвала Басанга в сторону и, смущаясь, сказала:

– Знаешь, Тулеген давно предлагает мне жить вместе, одной семьей. Как ты на это смотришь? Не оскорбит ли это память Муратбая?

– Что ж, это хорошо. Муратбая уже не вернешь, а детям нужен отец. К тому же по нашим законам брат покойного мужа имеет право жениться на его вдове, чтобы

дети не ушли в другой род. Мне кажется, лучшего мужа тебе не найти. А что ты сама решила?

– Думаю, надо соглашаться. Годы идут, а я все одна да одна. Тулеген мне нравится, да и дети к нему привыкли.

– Вот и хорошо! Желаю вам счастья и, как говорят русские: «Совет вам да любовь!» – обрадовался Басанг.

Алма счастливо засмеялась...

Выехали они из аула с восходом солнца, а теперь перевалило за полдень, но до цели было еще далеко. Алтынай, искоса поглядывая на избранника, всю дорогу беспричинно улыбалась. А ведь еще вчера, глядя на немолодого толстого жениха, плакала: «Как я буду жить с этим человеком? Надо же еще с ним спать, иметь от него детей...» При мысли об этом ей не хотелось жить.

Теперь же Алтынай не хотела думать о том, что ей предстоит нелегкие испытания, жизнь без своего угла. Она знала, с кем связала свою судьбу, и верила, что все обойдется. Как и Басанг, Алтынай надеялась, что с возвращением калмыков на родину закончатся их скитания. В том, что они вернуться, и произойдет это очень скоро, она не сомневалась. Басанг же размышлял о том, как жить с этой, совсем молодой, женой, как защитить ее от всяких напастей. В его положении сделать это будет крайне трудно, ведь им надо будет избегать встреч не только с отрядом НКВД, но и опасаться недобрых людей, встречи с которыми неизбежны. Попробуй угадай, хороший человек перед тобой или плохой. А если родится ребенок? Тогда станет еще труднее. Младенца надо же кормить, воспитывать. Как это делать, если большую часть времени им придется проводить в седле? Эх, скорее бы земляки вернулись домой. Тогда больше никто за ними гоняться не будет. Только когда же это произойдет? Пора бы уж. Война-то давно кончилась! Басанг вспомнил недавний сон, в котором Муратбай предрек хорошие перемены в стране. Что ж, придется еще немножко подождать этих перемен. Боже, когда же кончатся мои ожидания?! Басанг шумно вздохнул.

– Чего ты напрасно вздыхаешь? Пусть тебя за это лягнет верблюд, – услышав тяжкий вздох, пошутила Алтынай.

– Вечереет, надо искать ночлег.

– А где угодно, ты эти места хорошо знаешь. Тебе решать, – легко сказала молодая жена.

Скоро они спустились в глубокий овраг. Повеяло прохладой, и до уха уставших путников донеслось едва слышимое журчание ручья.

– Здесь и переночуем. Тут как раз растет сочная трава для лошадей, удобное место для отдыха в летний зной, – Басанг сошел с коня, Алтынай последовала его примеру. – Одно время я здесь целую неделю прятался от преследователей. Можно было бы их поодиночке перещелкать из винтовки, но у них могут быть семьи. Зачем же сиротить детей, война-то уж кончилась.

Он некоторое время шел, ведя на поводе коня, потом неожиданно остановился.

– Вот моя берлога. В ней я иногда живу, случается, месяцами. Здесь могут разместиться человек десять. Если, конечно, потесниться.

– Где? – растерянно озираясь, спросила Алтынай.

– Да вот же, – раздвигая куст, засмеялся Басанг. Перед их взорами открылась дыра с позеленевшей от времени дверцей. Алтынай заглянула внутрь, но не смогла ничего разглядеть. Тем временем Басанг, расседлав лошадей, занес седла в пещеру, оглянувшись на растерянно стоящую девушку:

– Ну, заходи. Чего ж ты?

В пещере Бембеев нашел спички и засветил керосиновую лампу. Помещение оказалось довольно просторным. Алтынай огляделась. На стенах – волчьи шкуры, пол застелен потертой кошмой, посередине стоит маленький столик, в углу прибиты полки, на которых тускло отсвечивает боками посуда. Она потрогала каждую вещь и оценила:

– А здесь уютно, настоящий дом. Ты сам это сделал?

– Нет, не я. Здесь еще в Гражданскую прятались бандиты, партизаны, а в эту войну нашли убежище дезертиры. Это место мне показал один татарин, тоже скрывавшийся здесь от войны. С ним мы тут некоторое время жили, а потом он ушел и пропал. Наверное, попался милиционерам.

Уставшие молодожены поужинали и, обнявшись, уснули.

8

Прошло два года. В молодой семье появился малыш, которого назвали Муратом. Недавно ему стукнул годик, а он кроме родителей никого из родни еще не видел. Поэтому они засобирались в дальнюю дорогу. Кроме Алмы и Тулегена, никого из близких друзей у них не было. Ну разве что еще Баурджан с Фирюзой, но ехать к ним опасно: в том ауле, кроме них и родителей Алтынай, жил еще и Анвар Есильбаевич со своими многочисленными родственниками. Путь туда для молодой семьи был надолго заказан.

Алма с радостью встретила гостей. Увидев малыша, зацеловала его до того, что он зашелся в обиженном плаче. Булбул и Утеш сразу восприняли Мурата как своего братишку, а тот, улыбаясь молочными зубками, охотно перемещался с рук сестры на руки брата. Тулеген, поздоровавшись, тут же отправился резать валушка в честь долгожданных гостей. Вскоре у них во дворе собрались соседи, чтобы разделить радость с Алмой и Тулегеном.

– У этого калмыка губа не дура, смотрите, какую красавицу отхватил!

– Настоящий джигит! Кроме шуток, какая, однако, Алтынай красивая, а ее ребенок какой хорошенький! – слышались реплики.

Заслышав такие речи, Басанг с Алтынай краснели от удовольствия. Вскоре в большом котле закипело мясо. Гости расположились тут же во дворе и с ожиданием уставились на Нурсултана. Он был в ауле самым старым и уважаемым аксакалом, поэтому на всех торжествах ему давали первое слово. Тот встал и, глядя на Басанга, произнес благопожелание на калмыцком языке. У Басанга глаза повлажнели, на столько необычно было ему слышать родную речь здесь, среди казахов, которых не коснулась беспощадная рука «отца народов». Он был благодарен аксакалу и расстроган до глубины души.

Потом Нурсултан перешел на всем понятный казахский:

– Дорогие гости, сегодня мы чествуем нашего калмыцкого зятя Басанга и его красавицу жену Алтынай. Они подарили миру еще одного гражданина, и имя его – Мурат. Почему они дали мальчику это имя? – спросите вы. Охотно отвечу тем, кто не знает: дело в том, что наш зять воевал и дружил с Муратбаем, покойным мужем Алмы. Друзья дали друг другу слово: если после войны у них родятся сыновья, то они назовут их в честь друг друга. Но, к сожалению, наш Мурат слова своего сдержать не смог, погиб на фронте. А то сейчас в этом дворе бегал бы мальчуган по имени Басанг. Муратбая хоронил его лучший друг, который сегодня сидит с нами. Зато растет другой Мурат, и он не должен посрамить имени своего тезки. Так пусть же судьба этого мальчика будет более счастливой, чем у его родителей и Муратбая. Так пусть же этот мальчик, когда вырастет, прославит имя своего отца!

Алма сидела тихо, вытирая краешком платка катившиеся по щекам слезы. Рядом, потупившись, сидел Тулеген. У Булбул тоже глаза были на мокром месте. Только Утеш, не обращая внимания на гостей, выбирал куски мяса повкуснее и с жадностью поглощал их. Заметив это, Булбул толкнула брата острым локтем, тот поперхнулся, непрожеванное мясо вылетело у него изо рта и попало на нарядный бешмет соседа. Девушка покраснела.

– Ты чё, дурак? С голодного края, что ли? – прошипела она по-змеиному.

– Ничего, ничего, пусть, пусть кушает! Парень растёт, ему надо много есть, чтобы вырос батыром, как его отец! Подумаешь, немного лишнего мясца в рот себе напихал! – засмеялся сосед Утеша, смахивая кусочки с подола бешмета.

Веселье продлилось почти до рассвета. Перед восходом солнца прискакал Баурджан на взмыленном коне. Отозвал в сторону Басанга и встревоженным голосом сказал:

– Ты должен немедленно покинуть аул. Скоро здесь будут солдаты. Анвар Есильбаевич, гад, позвонил в милицию и сообщил, что вы в этом ауле. Откуда он узнал, кто ему доложил, не знаю. Узнал бы – голову оторвал! Так что спешите!

Человеку, привыкшему жить в постоянной тревоге и уходить от погони, быстро собраться ничего не стоит. Басанг с Алтынай попрощались с хозяевами, пожали руку Нурсултану и сели на коней. Ребенок так и не проснулся. Решили выехать опять в калмыцкие степи. Уж там-то, думали они, их никто искать не станет. Не знали, что милицейский отряд уже идет за ними по пятам и их разделяет всего часа два пути.

В полдень стало невыносимо жарко. Басанг взглянул на небо и не обнаружил там ни единого облака. Похоже, сегодня дождя не будет, а значит, им придется тяжело и об отдыхе думать не следует. Под беспощадными лучами солнца степь выгорела, трава побурела, местами белели полянки ковыля. Было тихо, все живое, спасаясь от зноя, попряталось в щели, норы. Только степные орлы парили в небе, высматривая зазевавшуюся добычу. Им нужно было кормить подросших птенцов, иначе они бы тоже нашли укромное местечко, где можно пересидеть полуденную жару. Удивленно взирали птицы с Вечного синего неба на всадников, упорно двигавшихся по степи. Орлы заметили вдали клубы пыли, приближающиеся к этим двум, которые не подозревают, в какой опасной близости от погони они находятся.

– Скоро доберемся до глубокой ложбины, там есть колодец. Года три назад я пил из него воду, – успокоил жену Басанг, – там мы запасемся водой, а заодно немножко отдохнем.

Плакавший до этого Мурат, словно поняв, о чем говорит отец, затих, с надеждой глядя на родителей. Но они проехали еще не менее часа, а оврага с колодцем все не было. А солнце все припекало, выжигая остатки влаги с поверхности земли, если, конечно, было что выжигать. Неожиданно в знойном мареве на горизонте возник колодезный журавль и деревья, под которыми стояли животные.

– Басанг, смотри, это не тот колодец, о котором ты говорил? – обрадовалась Алтынай.

– Нет, это мираж. Здесь нет колодцев. Погоди немножко, будет и наш колодец, – попытался он успокоить жену. Но та лишь безнадежно покачала головой.

Опять заплакал ребенок. Он страдал от жары, и ему хотелось пить. Они выскочили на возвышенность и наконец далеко в низине увидели колодец. Рядом, широко распахнув крылья, танцевали и щелкали острыми клювами с десятков журавлей. Видимо, взрослые птицы учили подросших птенцов азам летного дела. Ведь осенью им предстоит преодолеть тысячи километров на юг, а потом оттуда назад на родину, в знойные степи, чтобы вывести новых птенцов. Не намашешься тут крыльями. Чтобы успеть научиться летать, пока надо тренироваться на земле.

Увидев приближающихся всадников, журавли, на всякий случай, неохотно отлетели подальше и там продолжили прерванные танцы. Мало ли что у этих людей на уме, может, они любят лакомиться мясом молодых журавлей?

Басанг сошел с коня, за ним, прижимая к груди плачущего Мурата, последовала Алтынай. Но когда они заглянули в неглубокий колодец, там, кроме желтого песка, ничего не было. Вода ушла! Басанг спрыгнул в колодец и стал разгребать песок саперной лопаткой, но влага не проступила. «Видимо, тут нужно углубиться на метр, не меньше. Может, тогда появится вода?» – думал Бембеев.

– Три года назад здесь воды было хоть залейся, а теперь она ушла из-за жары, не иначе, – виновато глядя на Алтынай, сказал Басанг. – Придется копать.

Он принялся быстро откидывать землю наверх. Вот уже песок повлажнел, вот-вот заблестит вода. Вдруг раздался тревожный крик жены:

– Басанг, солдаты! Много солдат! Вылезай! Нужно уезжать!

– Погоди немного! Может, успеем, они еще далеко, вода скоро должна появиться, – выглянув из колодца, неуверенно возразил Басанг, понимая, что уходит уже поздно.

Солдаты выскочили на бугор и там, ожидая отставших товарищей, вертелись на конях. Увидев людей и лошадей у засохшего колодца, всадники поняли, что это те, кого они ищут. Немного погода заклубилась пыль из-под скачущих копыт.

– Быстрее вылезай! – уже не кричала – визжала Алтынай.

Он намочил платок во влажном песке и подал его жене.

– Дай сыну, пусть хоть пососет. Надо бы бежать, но уже поздно.

Басанг поднял карабин и выстрелил в приближающихся солдат. Передняя лошадь на полном скаку рухнула на пыльную траву, подмяв под себя всадника. Остальные рассеялись по степи и замедлили бег. Потом спешили и, передав лошадей коноводам, перебежками двинулись к колодцу. Поднялась стрельба. Пули свистели над головой Басанга. «Видимо, они хотят взять меня живым. Что ж, пусть попробуют», – подумал он и, перекрывая грохот стрельбы, крикнул:

– Ну, любимая, видно, пришел мой последний час! Теперь мне от них не уйти! Вы прячьтесь в колодце, а то они и вас не пожалеют! Прощай, Алтынай! Береги сына!

Он открыл ответную стрельбу. Бежавшие в атаку солдаты тут же залегли в пожелтой серой траве, часть поползла в обход Бембеева, стремясь взять его в кольцо. Басанг стал стрелять прицельно, стараясь только ранить наступавших. Из-за курганчика заработал пулемет. Пули взрывали землю около Басанга, но пока не задевали его. Неожиданно стрельба прекратилась и воцарилась тишина.

– Бембеев, сдавайся! Иначе будем стрелять на поражение! Даем тебе пять минут на размышление.

Потянулись тягостные минуты. Басангу сдаваться не хотелось – он знал, что впереди его не ждет ничего хорошего. Короткий суд – приговор – расстрел. Из колодца что-то не слышно ни звука... Пока шла стрельба, Мурат плакал, не умолкая. А теперь что-то замолчал.

– Алтынай, как там Мурат? У вас все в порядке? – крикнул он встревожено.

– Мурат засыпает... Басанг, может, тебе все-таки сдать, а? Может, отсидишь в тюрьме, а мы тебя ждать будем, а? – жалобно отозвалась Алтынай.

– Нет! Сдаваться я не буду! Они хотят меня судить как бандита, а я не бандит. Все равно расстреляют. Так зачем же я буду оттягивать этот момент? Лучше сразу найду свою смерть в этой степи.

В ответ из колодца раздался горький плач жены.

– Алтынай! Слышишь, ты не плачь! Сына береги! А мне теперь все одно умирать. Погулял, пожил я хорошо. Одно печалит: не увижу, как вырастет сын, и земляков не дождался...

– Бембеев, время твое истекло! Подними руки и выходи! – раздался голос из-за пригорка.

Басанг выстрелил на голос. Тут же раздались ответные выстрелы, заработал пулемет, затем вступил в бой снайпер. Пули взрывали фонтанчиками землю вокруг Бембеева. Вскоре из-за пыли не стало видно ни стреляющих, ни Басанга. Воспользовавшись пыльной завесой, он перекатился за курганчик и оттуда открыл стрельбу. Однако пуля все же зацепила руку Басанга. Вторая пуля угодила в грудь. Превозмогая боль, Басанг поднялся и, стреляя одной рукой, двинулся навстречу выстрелам. Десятки пуль впились в тело и трепещущее сердце Бембеева. Обливаясь кровью, он рухнул на горячую землю и судорожно заскреб скрюченными пальцами пожухлую траву, словно стараясь слиться со степью. И затих.

Убедившись, что Бембеев мертв, из своих нехитрых укрытий поднялись солдаты. Они молча разглядывали неподвижное тело. Подошел командир, перевернул труп на спину. На груди покойного блеснул орден с выбитой пулями эмалью.

– Вот почему мы так долго не могли его поймать. Этот Бембеев, оказывается, был настоящим воином. Эх, надо было все же взять его живым! Но он знал, что потом его все равно расстреляли бы... Какой был мужественный человек... – с горечью и восхищением сказал немолодой капитан.

Из своего неглубокого колодца выбралась Алтынай с Муратом на руках. Ребенок плакал. Она долго смотрела сухими глазами на мужа, а потом, что-то шепча, прикинула к нему всем телом. Погладив его по голове, поцеловала в последний раз в обе щеки и встала...

ЭПИЛОГ

1956 год. Из Сибири стали прибывать на родину калмыцкие семьи. После смерти «отца народов», когда ссыльным больше не нужно было отмечаться в спецкомендатурах, Бадма сидел как на иголках. Ждал, когда же наконец разрешат вернуться на родину. Но, не дождавшись указа, вместе с семьей подался в родные края. За время отсутствия хозяев под дождями и ветрами обвалилась крыша мазанки, а двор густо зарос сорной травой.

С женой и подростками детьми они быстро привели в порядок двор. Тем временем в хотон приехали еще несколько семей. Общими усилиями отремонтировали и их жилища. Жить стало веселее, хотон оживал, на улицах зазвенели детские голоса, пока еще редкие. А когда придут остальные однохотонцы, жизнь наладится окончательно. Правда, предстоит еще восстанавливать колхоз, но пока правительство не давало соответствующих распоряжений, нет же и калмыцкого руководства. В течение того времени, как все это будет налаживаться, решаться, нужно кормить семьи, а для этого надо где-то работать. И однажды Бадма поехал в соседний русский колхоз с просьбой взять калмыков на работу чабанами.

Но председатель уперся:

– Как я возьму вас на работу? Распоряжения из Астраханского обкома партии нет, а своей волей я не имею права решать такие вопросы. Из-за вас меня могут выгнать с работы, кто тогда станет кормить мою семью?!

Пока они так спорили, подошел Нипалыч. Надеясь на его поддержку, председатель обрадовался:

– Николай Палыч! Я же русским языком сказал, что не имею права принять их на работу. Не понимают! Ты ведь владеешь калмыцким, объясни это им на их родном языке – может, тебя послушают...

Узнав Бадму, старик первым делом пожал ему руку:

– Очень рад, что вы вернулись на родину. Пусть такая несправедливость в отношении калмыков больше не повторится! Я же вас давно жду! Вот услышал, что приехали, обрадовался, – и прямо сюда. Мне надо многое вам рассказать, поделиться сведениями и воспоминаниями кое о ком.

И, обращаясь уже к председателю:

– Василь Петрович, грех будет, если мы не возьмем их на работу. Они ведь много лет страдали на чужбине. Ради чего, спрашивается? А теперь, когда выяснилось, что Сталин незаконно выселял народы, расстреливал своих противников, мы должны в числе других тоже приложить руку, чтобы калмыки как пострадавшие от «культы личности» получили нормальную работу. Наша коммунистическая партия сейчас исправляет ошибки, допущенные при Сталине. Недаром же и Никита Сергеевич об этом сказал. Это надо помнить.

– Как же я без указаний «сверху» возьму их на работу? – рассердился Василий Петрович. – Тебе легко рассуждать, ты же не председатель колхоза! И как беспартийный партбилетом не рискуешь, теряя тебе нечего!

– Э-э-э, их, – Нипалыч кивнул в сторону стоявших молча калмыков, – до сих пор милиция не арестовала, в розыск не объявила как бежавших из мест заключения или поселения. Так ведь? Это хорошая примета. Значит, скоро вернутся остальные калмыки. И тогда выйдет правительственный указ о восстановлении республики. Ты этого не допускаешь, Василий Петрович? Чего боишься? Ни английского шпиона Берии, ни Сталина нет! Если ты возьмешь несчастных калмыков на работу, никто тебя не осудит. Наоборот, будут благодарить! Может, даже медаль дадут за понимание политического момента.

– Ну хорошо, хорошо, я подумаю, – яростно почесал затылок председатель.

– Думай, только недолго. А то я тебя знаю: будешь думать, тянуть время, пока все само не утрясется, – засмеялся Нипалыч. – А пока мы с Бадмой пойдем ко мне чай пить, нас уже жена заждалась...

За обедом Бадма рассказал, как они жили в Сибири. Нипалыч слушал молча, не перебивая. Потом подошел к сундуку, порылся в нем и вытащил тряпичную куклу с нарисованным химическим карандашом лицом.

– Узнаешь? – протянул ее гостю.

Тот повертел игрушку в руках, пожал плечами:

– Вроде видел где-то, а вот где, не помню.

– Э-э, это кукла твоей Деляш, – рассмеялся Нипалыч, – это же надо, куклу своей дочки не признал.

– Вот теперь вспомнил. Эту куклу жена сделала, а я нарисовал ей глаза, брови, рот. Как же я забыл-то?! Теперь Деляш должна окончить школу, но придется ей годик погодить. С этим переездом она много пропустила. Ты ее не узнаешь – настоящей невестой стала. А где ты нашел эту куклу? Деляш увидит, обрадуется.

– Я не находил, ее мне дал Басанг на хранение и просил вернуть хозяйке, когда калмыки вернутся на родину. В том, что вы вернетесь, он нисколько не сомневался. Вот я и выполняю его просьбу.

– Кто?! Ты сказал – Басанг?! Он жив?! – воскликнул Бадма.

– Нет. Басанг погиб за год до смерти Сталина в перестрелке с солдатами. За ним ведь много лет гонялась большая группа солдат НКВД.

– Как же ему удалось так долго здесь продержаться?

– А он не только здесь, но в казахских и астраханских степях скрывался. И не просто прятался, а совершал дерзкие вылазки, не давал органам скучать. Однажды угнал из конюшни районной милиции лошадей, ранив при этом начальника милиции. А коней раздал по казахским аулам. Когда вздумывалось, он одевался в

гражданский костюм, ехал в Астрахань и там ходил по театрам, любил смотреть кино. Кончилось тем, что он выкрал невесту с казахской свадьбы. Поговаривают, она сама предложила ему выкрасть ее. Потом жена родила ему мальчика. Когда они возвращались из казахских степей в родные края, их настигли солдаты. Басанг отказался сдаваться и был убит, а жену и ребенка взяли. Женщину осудили на десять лет за пособничество бандиту Бембееву. Говорят, на суде она держалась гордо. В последнем слове сказала, что счастлива, что встретила такого батыра, как Бембеев, была его женой всего-то два года, зато у них есть сын, который, когда вырастет, станет таким же батыром, как отец. И ни о чем она не жалеет. А имя Бембеева останется в памяти двух народов – казахского и калмыцкого. Мне о Басанге рассказывал знакомый казах. На расспросы о сыне Бембеева он ответил, что мальчика усыновила какая-то казашка средних лет. Зовут ее Алма. Только где эту Алму искать? В степи сотни казахских аулов... Вот так наш Басанг все эти годы воевал, получается, со сталинизмом, с политикой государства. И погиб, доказывая свою правоту. Он жил по калмыцкой пословице, которая гласит: «Смерть храбрца в глубине степи». Очень правильная пословица.

Нипалыч вытащил из того же сундука бутылку «Московской». Мужчины помянули Басанга и молча, не чокаясь, выпили.

Перевод с калмыцкого автора.

ОДИН В ПОЛЕ

От автора

Эта повесть написана на основе реальных событий. А начиналось все так.

В декабре 1998 года к нам в редакцию газеты «Хальмг Үнн» пришел Социал Хулхачиевич Авеев и предложил опубликовать довольно интересный материал о жизни и смерти некоего Бембеева. Редактор распорядился дать статью в сокращении и калмыцком варианте, а поскольку на тему депортации калмыцкого народа у меня уже выходили материалы, то за эту работу пришлось взяться мне. 28 декабря статья была опубликована. Это вызвало неоднозначную реакцию у ветеранов войны, у писателей. В частности, мне позвонил народный писатель Калмыкии Алексей Бадмаев и сказал, что из-за таких, как Бембеев, был выслан весь калмыцкий народ, и писать о нем не стоило. По мнению Алексея Балдуевича, Бембеев, если он даже не был предателем, должен был разделить участь земляков, а не болтаться по калмыцким и казахским степям, с чем я, конечно, не согласился. Правда, были и прямо противоположные отзывы, в которых авторы писали, что именно герой данной статьи заставил сталинскую власть уважать не только себя, но и ссыльный народ.

Автор этих строк решил выяснить, был ли на самом деле такой человек, поскольку кроме фамилии – Бембеев, других исходных данных Авеевым представлено не было. И с этой целью я отправился в архив ФСБ РК, где надеялся найти ответы на интересующие редакцию вопросы. Получив на руки пожелтевшие от времени папки личных дел осужденных в годы Великой Отечественной войны и после нее с фамилией Бембеев, принялся их изучать. К сожалению, «нашего» Бембеева не нашел.

Возможно, в Астраханском архиве ФСБ можно отыскать следы этого человека, поскольку он последние годы своей короткой, но яркой жизни провел в соседней области. Может быть, стоит поискать также в архивах Гурьевской области, где наш герой, если верить рассказам очевидцев и участников тех давних событий,

«отметился», но Казахстан, к сожалению, другое государство, и для того чтобы поработать с казахскими архивными документами, нужно преодолеть множество бюрократических барьеров.

О Бембееве Социалу Аевеву рассказал его друг, бывший начальник Енотаевского райотдела милиции Астраханской области Совет Халилович Даулетов, который в свою очередь услышал эту историю у непосредственного участника операции по поимке Бембеева.

Как известно, операция по выселению степняков началась рано утром 28 декабря 1943 года. В Цаган-Амане вооруженные солдаты войск НКВД грузили людей в крытые тентом автомашины, которые затем должны были прибыть на Астраханский железнодорожный вокзал, Бембеев же, выждав удобный момент, скрылся в степи. Начались поиски беглеца, однако прошло много дней, а Бембеева так и не нашли. Тогда Областными управлениями НКВД-НКГБ Сталинградской, Астраханской областей и Ставропольского края были созданы специальные комиссии по поимке «бандита Бембеева».

Оставаться в такой сложной обстановке на территории своего района и республики, видимо, было очень опасно, и Бембеев принял решение перебраться через Волгу в степные просторы Казахстана, поближе к границам Гурьевской области. Скрываясь от властей и спецкомиссии, он передвигался в основном в ночное время. По пути ему встречались простые чабаны, казахи, русские, которые оказывали всяческую помощь в пище, но никогда его не предавали. Через сочувствующих ему простых людей он получал информацию о том, в каком направлении движутся преследователи, где они находятся, как они меняют маршруты передвижения...

Прошло два года, как закончилась война. Вторая послевоенная зима выдалась холодная и снежная. Однажды на имя начальника милиции пришла записка от Бембеева, который сообщал, что в одну из ближайших ночей им будет угнан табун лошадей райотдела (в то время милиция, как и большинство служб района, передвигалась в основном на конной тяге).

Это был вызов, но начальник не поверил Бембееву, приняв это за шутку, и жестоко поплатился за это. В ту же ночь лошади были угнаны. По свежим следам несколько милиционеров отправились ловить вора и вскоре стали наступать его, но, заметив преследователей, Бембеев открыл стрельбу и попал одному из них в щеку. А стрелял он очень метко, об этом милиционеры знали, и поэтому они погоню прекратили, конокрад же безнаказанно ушел. А раненым милиционером оказался казах, позже рассказавший Совету Халиловичу о встречах с Бембеевым.

Старый казах рассказал и про второй случай, подтверждая, что разведка у калмыка работала хорошо. Бембеев получал точную информацию, у кого какая лошадь пасется в табуне, какой масти, какого возраста и т. д. Как-то он обратился к одному из жителей поселка с просьбой одолжить на несколько дней костюм. Видимо, степняк хотел в новом «прикиде» отправиться в город, запастись продуктами и лично уточнить обстановку. Тот ему сразу отказал, а когда Бембеев назвал цвет костюма, примерный размер, то ничего не оставалось, как вытащить из сундука приобретенный днем ранее новый костюм и одолжить его.

В одном из аулов готовились к свадьбе, съезжались отовсюду гости, родственники, и вдруг, в самый разгар свадьбы, появляется Бембеев, на скаку крадет невесту и, не дав опомниться пирующим, скрывается из виду. Через некоторое время оскорбленные казахи пустились в погоню, но поиски ни к чему не привели.

После полутора лет жизни с возлюбленной у них родился ребенок. Ребенку нужны необходимые условия проживания, питания, которых под открытым небом быть не могло.

Лето 1951 года выдалось жарким, степь выгорела, поскольку за несколько месяцев не было дождя. Друзья Бембеева сообщили, что под Астраханью опять появилась поисковая группа НКВД. Опасаясь быть пойманными, в поисках жидельной влаги молодая семья перебирается из астраханских степей в сторону Гурьева, поближе к родственникам жены, надеясь на их помощь.

Однако события дальше развивались не так, как они планировали...

В одной из перестрелок Бембеев был смертельно ранен. Тело его, жену и ребенка доставили в Астрахань.

Жене, как соучастнице бандита, дали срок. На суде она заявила, что гордится тем, что встретила настоящего мужчину и нисколько не жалеет, что была спутницей жизни Бембеева. Какова дальнейшая судьба этой мужественной женщины и ее сына, – никому не известно. В народе говорят: один в поле не воин. Бембеев доказал, что и в одиночку можно бороться против несправедливости, произвола и сталинского режима. Правда, герои гибнут, как произошло в этом случае. Бембеев, конечно, знал, что его ожидает, но это не остановило отчаянного калмыка.

Эта история долгое время не давала мне покоя и в конце концов вылилась в повесть «Степная быль».

В феврале 2022 года отмечают:

80-летие

Махмутбай АМРЕУЛЫ, *поэт*

Ескен ЕЛУБАЕВ, *поэт*

Молдахмет КАНАЗ, *прозаик*

Гульзипа ПАЛЫМБЕТОВА, *поэт*

70-летие

Аскарбек БЕКТЕМИСОВ, *прозаик*

Любовь МЕДВЕДЕВА, *поэт*

60-летие

Темиргали КОПБАЕВ, *поэт*

Кайрат РАЕВ, *литературовед*

Бейбит САПАРАЛЫ, *прозаик*

Торегали ТАШЕНОВ, *поэт*

Иминжан ТОХТИЯРОВ, *поэт*

50-летие

Сакен САСЫНБАЙ, *прозаик*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

